

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 45 (3229)

Четверг, 15 апреля 1954 г.

Цена 40 коп.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА

Новый председатель

Совсем недавно мне пришлось побывать в одном из отставших колхозов на Днепропетровщине и беседовать с его новым председателем. Хмурясь, вспоминая всех черт и всех бывших председателей, он перечислял свои беды, беды колхоза. Низкий трудозабор. Бескорыбие на фермах. Жалкие рубли на текущем счету...

— Да ежегодно новый председатель, — прибавил я. — Это, пожалуй, главная беда! — отвечал мой собеседник.

По всему было видно, что этот товарищ не принадлежит к категории «председатели-сезонники». Знал он свое председательское место не понаслуху, но крепко. Полон энергии и решимости поднять колхоз. Меня интересовало: с чего же он начал?

— Я понимаю, — рассуждал новый председатель, — что следует пойти к людям и сказать им: давайте поработаем дружно, честно, и сами увидите — в конце года наш трудозабор увеличится вдвое, втрое. И это будет только началом... Но ведь и все прежние председатели — в том числе недавние «сезонники» — тоже начинали с таких разговоров да обещаний. Жди конца года... А мне надо, чтоб люди сегодня горячо взялись за дело, чтоб сегодня поверили в трудозабор.

До позднего вечера новый председатель совещался о чем-то с бухгалтером, прикидывал, щелкал костяшками счетов. Утром он сообщил:

— Все-что придунали. Подкормил и продал свиной. Из этих денег весной, в разгар работы, выдадим денежный аванс на выработанные трудодни. Небольшой, правда, аванс, но выдадим. А затем пополю, во время уборки, еще раз... Неполно будет, правда? Эх, — вздохнул председатель, — иметь бы сейчас миллион на текущем счету да ежемесячно авансировать колхозников в счет выработанных трудодней. Вот тогда сослужил бы нам трудозабор великую службу. Но это пока мечта.

В те дни в колхоз прибыла газета с решением февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС, и мне особенно врезалось в память то место, где говорится о роли председателя колхоза. «Факты показывают: если на руководстве колхозом выдвигается деятельный и инициативный председатель, знающий свое дело и умеющий организовать массы, самое отсталое хозяйство в течение двух-трех лет становится передовым, а колхозники получают на трудозабор высокие доходы. В таких колхозах правильно сочетаются государственные, общественные интересы с интересами колхозов и колхозников».

Я мысленно решил: через два-три года приду снова в этот колхоз. Какие перемены здесь произойдут. Какие результаты достигнут? Когда он этот разговор в Киеве, один товарищ, сведущий в вопросах сельского хозяйства республики, посоветовал мне:

— Хотите увидеть, что можно сделать в отсталом колхозе за два-три года? Пожайте к Цыбенко.

Я поехал в колхоз «Большевик» Шосткинского района, Сумской области. Район этот расположен в крайней северо-восточной части украинского Полесья. Почвы здесь суглинистые, бедные. О мучках черномеземных хлеборобы знают только понаслышке.

Пятдесят копеек деньгами да подкилограмму хлеба на трудозабор — этих двух цифр, пожалуй, достаточно для того, чтобы представить, каким было хозяйство артели в 1950 году, до того, как председателем колхоза избрал опытного агронома, работника Министерства сельского хозяйства республики Константина Остаповича Цыбенко. Он был седым председателем за послевоенные годы...

Знакомые с людьми, вникая в дела, Цыбенко, как и каждый новый руководитель, решал нелегкий вопрос: с чего начать?

И он начал: в хозяйстве — с ломки шаблонов агротехники, в работе с людьми — с трудодня.

В первую весну Цыбенко столкнулся с большими трудностями. Нельзя сказать, что дисциплина в колхозе была совсем расшатана, но люди работали без охоты. В базарные дни в бригадах и артелях чувствовалось смятение. Что давал базар? Копейку. Но это, как говорили здесь, была живая копейка. Вот тогда новый председатель и задумался о живой, то есть сиюминутной, копейке, вернее, о рубле, которым можно было бы платить материальную заинтересованность колхозников, поощрять их, укрепить авторитет трудодня.

Пришлось крепко поскрести в колхозных амбарах, в колхозной кассе, но зато весной, в горячую пору, выдали небольшой аванс зерном и деньгами. Вотом эти раз авансировали — летом, во время уборки. Повишество поправилось всем.

В 1952 году денежные авансы были выданы еще шесть раз. Базарная копейка была окончательно похоронена. Ее затмил колхозный рубль.

Десятки людей приезжают в колхоз «Большевик» ознакомиться с порядком выдачи авансов. Велик интерес к этому новому и важному делу. Главным бухгалтер Иван Демьянович Фролов рассказывает об итогах минувшего года, о том, как по-новому финансируются колхозники.

По решению правления, — это решение было сообщено общим собранием колхозников, — в первом квартале авансов не выдавали. И вот почему: во-первых, только что произведен окончательный расчет за 1952 год, в котором трудозабор уже превысил 5 рублей 50 копеек (кроме натуральной оплаты), а во-вторых, поступления доходов в колхозную кассу зимой пока еще

ограничены. Авансировать начали со второго квартала. В апреле выдали на каждый выработанный трудозабор по полтора рубля, в мае — 2 рубля, в июне — 3, в июле — 4, в августе — 5, в сентябре — 6 рублей. И так месяц за месяцем.

Эти цифры свидетельствуют не только о росте колхозных доходов. Главное заключается в том, что председатель и правление артели умело использовали материальный стимул, увеличивая авансы по мере того, как возрастал объем работ. В некоторые месяцы общая сумма авансов составляла четверть миллиона рублей. Многие семьи получили авансы по тысяче рублей в месяц. А в среднем на каждого трудоспособного приходилось до четырехсот рублей.

В свете этих цифр особый смысл приобретает диаграмма, которую можно увидеть в правлении колхоза: в 1950 году каждый трудоспособный выработал в среднем 346 трудодней, а в 1953 году — 450. На 110 трудодней больше!

В колхозе «Большевик» охотно рассказывают вам характерные житийные истории. Вот, к примеру, недавно одна девушка вышла замуж за парня из соседней деревни. Посудили, порядили молодые и решили жить в колхозе «Большевик». У жениха, видите ли, колхоз отсталый, доходы так незначительны. В 1950 году предлагали колхозникам этой артели объединиться с «Большевиком». Те не захотели. А теперь жалуют.

Без инициативы — какое же это руководство?

В семи колхозах Шосткинского района в минувшем году уже ввели (ежеквартальные пока) денежные авансы. Но еще нередко можно услышать и такое: «Хорошо Цыбенко! У него голозой доход перевалил за пять миллионов. Есть из чего авансы выдавать».

Те, кто говорит так, забывают, что эти пять миллионов не свалились с неба, что это совсем недавно доходы колхоза «Большевик» были в три и в пять раз меньше. В каждом колхозе есть колхозная культура или отрасль хозяйства, развивая которую, можно быстро укрепить финансовое положение. В одном колхозе — это лен, в другом — сахарная свекла, в третьем — хлопок, в четвертом — животноводство.

В колхозе «Большевик» такая культура — южная конопля. Вообще в этих местах свет давно, но урожай на многих хозяйствах низкий, и, следовательно, малы доходы. Как агроном, тов. Цыбенко прекрасно понимает значение конопли. Только повисев урожай этой культуры, можно было добиться значительных успехов. Этому мешали неправильные агротехнические указания, ставшие подлинными оковами для конопеловодов. Цыбенко обратился к опыту прошлых лет. Трижды собрал он стариков, совещался с ними о сроках сева, о способах удобрения. Кос-кто иронически улыбаясь: опытный, мол, агроном, а к деловой агротехнике на поклон идет. Но жизнь высеяла этих кабинетных агрономов, живущих по бумажке и игнорирующих народный опыт. А опыт подсказывал: основная причина низкого урожая конопли — слишком ранние сроки сева. Но в апреле надо сеять ее, а в конце мая и даже в начале июня.

Советы местных знатоков подтвердили выводы агронома. Однако деды не без лукавства допытывались:

— А что, так и будет, как порешили? Будем сеять в нужные сроки?

— Только в нужные сроки! — твердо отвечал Цыбенко.

Деды поспеивались: «Прыткий! Подожди, приедут полномоченные, станут звонить начальство — сей и баста! Совку надо закуплять на сто... Иначе нарушитель и срыжнич ты, и все такое прочее».

Так оно и было. Шумели полномоченные. Сердились и угрожали областные ученые: вы отвечаете головой! Приехали ученые из Глуховского института буйных культур. Это их агротехнические указания нарушал Цыбенко. Но он настоял на своем. Высокий урожай показал, что был прав. Вот уже третий год в колхозе «Большевик» собирают втрое, вчетверо больший урожай конопли, чем в прежние годы. И волокут длиннее и качественнее. В 1953 году конопля дала колхозу четыре миллиона рублей дохода.

Цыбенко вместе с опытными разработал агротехнику возделывания озимой пшеницы. Озимую пшеницу в Полесье сеять не рекомендовали, ее не планировали. Достаточно сказать, что во всем Шосткинском районе в 1950 году было засеяно всего 70 гектаров.

Пшеница, посеянная, по настоянию Цыбенко, на хорошо подготовленной и удобренной почве, удивила всех: собран стопульный урожай на бедных полесских землях! А в 1952 году на многих участках получили по 120 и больше пудов. В прошлом — неблагоприятно — году урожай снизился, но все же озимая пшеница родила в два раза больше, чем рожь и яровая пшеница. Теперь в колхозе «Большевик» засеяно озимой пшеницей 450 гектаров. Вслед за «Большевиком» оценили и полюбили пшеницу в других колхозах. Сейчас почти 50 процентов всего озимого клана в районе занимает эта ценнейшая зерновая культура.

Пришлось поновать Цыбенко и за кукурузу. В ней в Сумах (как и во многих еще местах) относились с пренебрежением и деды и бывшие руководители области. Первое, что увидел Цыбенко три года назад, это был забуренный участок кукурузы. Кукурузу пришлось сеять на силос. А в 1953 году такой же пятигектарный участок дал по 50 центнеров зерна. Вот вам и Полесье! Теперь в колхозе планируют засеять кукурузой 30 гектаров и собрать по 80 центнеров зерна. Здесь ре-

шили догнать лучших мастеров высоких урожаев кукурузы, которыми славится Днепропетровщина.

Без удобренной бедные, бесструктурные почвы Полесья хорошего урожая не дадут. И вот в колхозе «Большевик» стали вывозить на поля много навоза, торфа и минеральных удобрений. Но есть еще одно замечательное средство обогащения почвы — люпин, могучий азотособиратель. Недаром люпин называют зеленым удобрением.

Нельзя говорить на Полесье о люпине, не по-настоящему его еще не видя. Цыбенко вывез на поля люпин. Из семета люпина не только многие колхозы своей области, но и других областей. За семечками приезжали сюда из Белоруссии, из Брянска и Бурска, о семечках пишут из Подмосквы, телеграфируют из далекого Кемерово.

Рассказывая обо всем этом, Цыбенко снова возвращается к вопросу, который особенно волнует его, как и многих других работников сельского хозяйства.

— От председателя колхоза, от агронома требуют — добейтесь высокого урожая. Это правильно. Требуют и еще больше будут требовать. Но дайте же возможность тому председателю, тому агроному проявить инициативу, дайте возможность применить агротехнику творчески, исходя из местных — почвенных и климатических — условий, а не по всеобщему шаблону. Без инициативы, без самостоятельности, какое же это руководство?

Об этом мы говорили с секретарем Шосткинского райкома партии Серафимом Федоровичем Белокуровым.

Упомянутые дела прошлого года, произошедшие... Хотелось думать, что теперь, после решений Пленума ЦК КПСС, когда идет ломка всего застоявшегося, рутинного, бездумного изобилия уже нет места. Я не успел высказать эту мою мысль. Секретарь райкома показал телеграмму из области, в которой строго-настроено предписывалось немедленно приступить к покормке озимых. Это было 15 марта. На полях Шосткинского и соседних районов еще сплошным покровом лежал снег. Ни о какой покормке и речи не могло быть. Но в Сумах снег растаял. В южных районах области снег обнажился еще в начале марта. Там указание о покормке следовало, пожалуй, дать раньше. Но строгая начальственная телеграмма строгала всех под одну гребенку.

«Дело идет, и трудозабор идет»

У истоков Маленький ручеек, покрытый льдом... Здесь, вблизи деревни Волговской, из родника, по деревянным трубам, начинается свой путь великая Волга.

Погода еще холодная, солнечные дни сменяются дождями, снегом. Но в полях, на возвышенных местах, откуда солнце согрело снег, колхозники артели «Волга» начали первые весенние полевые работы.

Недалеке отсюда находится усадьба Заозерной МТС. Ее работники готовятся к выходу в поле. Вот что рассказывает директор МТС П. Базаров, назначенный сюда четыре месяца назад.

Дела нашей МТС круто изменились после сентябрьского Пленума ЦК партии. Много пришло к нам людей, которые хотят и умеют работать. В результате подготовились мы к сезону значительно лучше, чем в прошлые годы: почти весь тракторный парк готов к выводу в поле. Две тракторные бригады уже отправлены в колхозы, скоро выйдут на поля и остальные. Мы дали слово добросовестно выполнить договоры со всеми 25 колхозами своей зоны, весенний севооборот провести в лучшие сроки, а картофель, в основном, посадить квадратно-гнездовым способом.

ОСТАШКОВСКИЙ РАЙОН. (Наш корресп.) Самолеты над полями

Пришла весна в костромском крае. Привольские поля освободились от снега. Поимы великой реки затоплены полными водами. Притоки Волги уже вскрылись. Правда, напор воды нынче невелик; река еще подо льдом.

Другая примета весны: над полями появились самолеты. Они пролетают над полями озимых минеральными удобрениями. Во многих колхозах идет севооборот. Расширяется тепличное хозяйство, посажены огурцы и редис.

Привольские колхозы в нынешнем году поднимают тысячи гектаров целинных и залежных земель. На эти земли выходят машины. В колхозе «Львовод» Сусанинского района уже срезают кусты на площади в семнадцать гектаров. Всего по области будет освоено 43,7 тысячи гектаров новых земель.

Горожане помогают колхозникам в механизаторам в выполнении этого плана. В колхозы выехали на постоянную работу 160 инженеров, более тысячи агрономов и зоотехников, сотни трактористов.

КОСТРОМА. (Наш корресп.) Новости навигации

По широко разлившейся реке медленно льнет лед. Скоро загудят паровозные гудки. В ожидании навигации паровозы и тепловозы стоят в заторах. Во второй декаде апреля первые суда выйдут из Горького вниз по Волге.

Тысячи людей привлекают, как известно, транзитные линии Москва—Ростов и Москва—Астрахань. Особой популярностью среди пассажиров пользуется путешествие из Москвы в Ростов-на-Дону. Для обслуживания этой линии выделены лучшие суда, среди них восемь пассажирских дизель-электроходов типа электрохода «Россия». Угнетая рост туризма, пародостов с начала навигации выделено четыре пассажирских теплохода и для линии Москва—Астрахань.

Что нового будет на старых линиях? Между Горьким и Астраханью, Ярославлем и Астраханью, а также на пригородных линиях будет увеличено число остановок. Это позволит полнее удовлетворить запросы пассажиров и увеличить одновременно приток продуктов на колхозные рынки городов Поволжья. На местных и пригородных линиях снижается стоимость пассажирских билетов.

Работники речного транспорта должны в эту навигацию быстрее перевозить продукты питания и товары народного потребления.

ГОРЬКИЙ. (Наш корресп.) Вал у Казани

Под Казанью произошла первая подвижка льда. Скоро Волга разольется на многие километры. Но она не сможет уже прорваться в район строительства нового порта. Земснаряды намыли здесь в тело дамбы волнолома около двух миллионов кубометров земли. Успешно сооружается стальная парковая стенка, мощные ларионеры разбирали уже свыше 1800 тонн многометровых стальных шпунтов.

Паводковые воды останавливаются и перед готовыми участками Казанского вала — мощного сооружения, которое должно защитить город от вод будущего Кубышевского моря. Готовы Фелогеская дамба, намываются Кремлевская, две зареченские, а также портовая дамбы.

КАЗАНЬ. (Наш корресп.) В ожидании паводка

Еще стоит пасмурная погода, дождь иногда морозит, валит густой снег. И все же чувствуется весна. В приколхозных зарослях вот-вот зашевелится распухшая на прогрессе верба. Вскрываются малые волжские притоки.

Но сама Волга еще неподвижна. Чтобы сломать ее ледяной панцырь, нужна большая, могучая вода.

В Поволжье наступила пора бездорожья, распухших. Развезло, раскисло и на плодородной Кубышевской гидроэлектростанции. Но на всех главных участках строится — в котлованах, строящихся под здание станции, на водосливной плотине, на судоходных шлюзах — работа идет полным ходом. В текущем году надо уложить в главные сооружения гидроузла свыше двух миллионов кубометров бетона, вынуть и переместить около тридцати пяти миллионов кубометров грунта. А главное — работать равномерно, без рычков и спадов.

Строители дали слово выполнить этот план полностью и с наименьшими затратами средств.

КУБЫШЕВ. (Наш корресп.) Дорога через реку

В один из прошлых воскресных дней, в полдень, над рекой раздался сильный треск. Лед нехотя двинулся, раскололся и поплыл по течению.

Тщательно готовившись к ледоходу строители Сталинградской гидроэлектростанции. Проложили весной они выдержанное суровое испытание: ледоход грозил разрушить котлован гидростанции, сооруженный почти в центре реки. Теперь котлован защищен каменной барьером и шпунтовой стеной.

Изменился пейзаж Волги у Сталинграда. Через реку с правого берега на левый протянулись нити электрических проводов. По ним поступает ток на строительные гидростанции. А перед самым ледоходом через реку были переброшены еще 24 каната подвесной дороги. Скоро по ней двинутся в котлован вагонетки с песком, камнем и цементом. Земельцы намывают у левого берега земляной вал. В образовавшейся бухте сооружается порт гидростанции.

Вдоль луговой стороны Волги — от Сталинграда до Саратова — работают научные экспедиции. Проходят еще несколько лет, и перед плотной гидростанцией разольется сталинградское водохранилище. На его дне находится сейчас немало сел и хуторов. Экспедиции составляют проекты их переселения на новые места.

Вдоль луговой стороны Волги — от Сталинграда до Саратова — работают научные экспедиции. Проходят еще несколько лет, и перед плотной гидростанцией разольется сталинградское водохранилище. На его дне находится сейчас немало сел и хуторов. Экспедиции составляют проекты их переселения на новые места.

Вдоль луговой стороны Волги — от Сталинграда до Саратова — работают научные экспедиции. Проходят еще несколько лет, и перед плотной гидростанцией разольется сталинградское водохранилище. На его дне находится сейчас немало сел и хуторов. Экспедиции составляют проекты их переселения на новые места.

Вдоль луговой стороны Волги — от Сталинграда до Саратова — работают научные экспедиции. Проходят еще несколько лет, и перед плотной гидростанцией разольется сталинградское водохранилище. На его дне находится сейчас немало сел и хуторов. Экспедиции составляют проекты их переселения на новые места.

Вдоль луговой стороны Волги — от Сталинграда до Саратова — работают научные экспедиции. Проходят еще несколько лет, и перед плотной гидростанцией разольется сталинградское водохранилище. На его дне находится сейчас немало сел и хуторов. Экспедиции составляют проекты их переселения на новые места.

Вдоль луговой стороны Волги — от Сталинграда до Саратова — работают научные экспедиции. Проходят еще несколько лет, и перед плотной гидростанцией разольется сталинградское водохранилище. На его дне находится сейчас немало сел и хуторов. Экспедиции составляют проекты их переселения на новые места.

Вдоль луговой стороны Волги — от Сталинграда до Саратова — работают научные экспедиции. Проходят еще несколько лет, и перед плотной гидростанцией разольется сталинградское водохранилище. На его дне находится сейчас немало сел и хуторов. Экспедиции составляют проекты их переселения на новые места.

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ ДАЛЛЕСА

11 апреля Даллес прилетел в Лондон. Через два дня он покинул столицу Англии и прибыл в Париж.

«Я подчеркиваю, что это миссия мира на основе силы», — провозгласил сам Даллес в день отъезда из Вашингтона. Знакомая мелодия, опередившая вариации излюбленной американской дипломатической темы «политика с позиции силы»! Что же касается «мирного» аккомпанемента, то не случайно некоторые английские газеты в связи с нынешним визитом Даллеса вспоминали о его поездке в Корею летом 1950 года, накануне начала там войны. «Миссия мира» Даллеса и на этот раз носит злободневный характер. Только сейчас речь идет не о Кореи...

Нашим читателям уже известно из сообщений, появившихся в центральных газетах, какие причины побуждают государственного секретаря США предпринять столь поспешную поездку в Европу за две недели до открытия Женевского совещания. Рассказано, что произошло в Лондоне после отъезда Даллеса. Беттер, посевший им, вызвал бурю даже в английской палате общин. Позавчера, в день отъезда Даллеса из Лондона, министр иностранных дел Иден заявил в палате общин следующее коммюнике, принятое после переговоров с государственным секретарем США. Из текста этого коммюнике явствует, что Англия согласилась «рассмотреть с другими заинтересованными странами» проект военного союза наподобие Северо-атлантического пакта для Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана.

Когда Иден заявил, что США и Англия готовы изучить возможности «коллективной обороны» в Юго-Восточной Азии, со скрепящей лееборством раздались громкие возгласы: «Позор», «Новая Корея». Криками «Чушь» встретила оппозиция заявление Идена о том, что перспективы создания «единства оборонительных целей» способствовали бы установлению почетного мира в Индо-Китае. Под аплодисменты лейбористов член палаты общин Блессен спросил: «Известно ли Идену, что сделанное им заявление вызовет глубокое негодование большинства народа Великобритании? Известно ли ему также, что оно будет поспешно разъяснено, как услуга американскому народу? Его можно истолковать так, что мы будем помогать созданию НАТО (Северо-атлантический договор) — Лиги, в Юго-Восточной Азии с целью назидания» колониального правительства некоторым народам в этом районе. А бывший министр обороны Шиннуэлл выразил надежду на то, что Иден «не свяжет палату или страну какими-либо непреклонными планами».

Драматические моменты, которыми изобилует заседание палаты общин 13 апреля, ясно показывают, какова реакция некоторых общественных кругов Англии на американские попытки связать западным державкам руки перед Женевским совещанием и добиться расширения войны в Индо-Китае.

Вернемся, однако, к истории коммюнике, принятого в Лондоне. Напомним, что за несколько дней до поездки Даллеса Соединенные Штаты предложили Англии, Франции и ряду других своих «союзников» опубликовать декларацию, в которой содержалось бы ультимативное «предупреждение» в адрес Китайской Народной Республики против «вмешательства» в войну в Индо-Китае. Ультиматив должен был пригрозить Китаю «объединенными действиями» против него с применением любых средств.

Расчет американских милитаристов несложен. Полтичасовую декларацию, Англия, Франция и другие страны оказались бы связанными обязательством предпринять «объединенные действия» в Индо-Китае, а также против Китайской Народной Республики по первому требованию Соединенных Штатов. Это облегчило бы Вашингтону осуществление вооруженной интервенции против вьетнамского народа. И уж, конечно, провокационное «предупреждение» в адрес Китая накануне Женевского совещания никак не содействовало бы его успеху.

Однако расчеты Даллеса не оправдались. Американский план расширения войны в Индо-Китае вызвал негодование среди широких слоев демократической общественности во всем мире, особенно в Азии. После заседания английского правительства, обсуждавшего американское предложение, газета «Таймс» писала, что «в Лондоне не разделяют убеждения» в «необходимости «совместного предупреждения» в адрес Китая». «В Париже ни в коем случае не хотят поставить под вопрос возможные результаты Женевского совещания путем грубого ультиматума Китаю», — сообщал парижский корреспондент западногерманской буржуазной газеты «Индустрия курьер».

Равно как французы и англичане, которые убеждены в том, что Женеве даст возможность вести переговоры об урегулировании в Индо-Китае, признавала газета «Нью-Йорк таймс», «выражают гневное возмущение резкой позицией, заявляющей Соединенные Штаты... и прельстившей этой возможностью».

В Вашингтоне увидели, что американский дипломат грозит крупный провал в ответственной период подготовки к Женевскому совещанию. Надо было спасать положение. И Даллес поспешил на аэродром. Перед отъездом он заявил корреспондентам, что между союзниками «требуется полное понимание». «Представляется», — добавил втроях Даллес, — что это понимание будет обеспечено, если я лично отправлюсь в Лондон для переговоров с британским правительством и поездку в Париж для бесед с французским правительством...»

О том, какими методами государственной секретаря США хотел обеспечить «полное понимание» Англией и Францией его план, газета «Гамбургер эх» сообщила прямо и ясно: «Даллес намерен подвить проявившееся так сопротивление», в частности путем «угрозы прекратить американскую помощь западноевропейским странам».

Широко комментируя итоги переговоров Даллеса в Лондоне, западная печать вынуждена констатировать наличие углубляющихся противоречий между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Французская газета «Польвар де Пари», сетуя на методы диктата и угрозы, применяемые Вашингтоном, писала: «Говорить о тех или иных перипетиях в отношениях между союзниками — значит преобретать общей дружбы. Подлинное согласие не может существовать, если один из них старается навязать другим свою точку зрения».

Кстати сказать, Даллес не случайно направился для переговоров сначала в Лондон, а затем уже в Париж. Он понимал, что в Лондоне скорее добьется «полного понимания», после чего можно будет с успехом нажать на Францию согласованным англо-американским решением.

Но и в этом государственной секретаря США явно просчитался. По учтивому выражению дипломатического обозревателя газеты «Дейли миррор», «Иден отговорил Даллеса от осуществления его плана пригрозить Китаю «объединенными действиями» до начала Женевского совещания». И Даллесу пришлось отказаться от первоначальной позиции и удовлетвориться, в конце концов, английскими обещаниями, содержащимися в совместном коммюнике. А какой оно вызвало резонанс, мы уже писали выше.

«Миссия мира» г-на Даллеса оказалась миссией угрозы и шантажа. Она лишь вновь продемонстрировала тот факт, что в Вашингтоне боится, как бы Женевское совещание не привело к восстановлению мира в Индо-Китае.

ЛИТЕРАТОР

Здесь выступал Маяковский

Вчера в Политехническом музее Москвы

14 апреля — день смерти Владимира Владимировича Маяковского — москвичи отмечают ежегодно вечером, посвященным его памяти.

Вчера в Большом зале Политехнического музея, где так часто выступал В. Маяковский, снова звучало его слово. Здесь на вечер, устроенном Союзом советских писателей СССР, читались стихи поэта, выступали с воспоминаниями его товарищи по перу.

Творчество В. Маяковского давно завоевало в нашей стране всенародную любовь и популярность. Его произведения нашли на 54 языках тиражом свыше 22 миллионов экземпляров. Позиция В. Маяковского «взятая на вооружение» строителями коммунизма.

— Могучий голос Маяковского — великого патриота нашей Родины все громче звучит на разных материках земного шара. Огромное творческое влияние его поэзии движет вперед не только нашу многонациональную поэзию, но и поэзию всех стран мира. Число его учеников и последователей растет с каждым годом, — сказал, открывая вечер, С. Шипачев.

Л. Никулин во вступительном слове говорил о значении творчества В. Маяковского, о том, что своей жизнью, своим трудом он показал пример благородного служения коммунизму.

Стихи о В. Маяковском прочитали Н. Асеев, С. Кирсанов, М. Львов, П. Железнов, В. Урин. На вечер присутствовали родные и близкие поэта.

В заключение состоялся концерт, составленный из произведений В. Маяковского.

ЛЕНИНГРАД. 14 апреля. Сегодня, в 24-ю годовщину со дня смерти В. В. Маяковского, в библиотеках и клубах Ленинграда открылись выставки. Большой литературный вечер памяти поэта состоялся в Доме офицеров имени С. М. Кирова.

В лекториях, на предприятиях, в заводских клубах проведены доклады и лекции, посвященные поэту.

ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК ЖДЕТ...

Около восьми месяцев назад, 27 августа прошлого года, в «Литературной газете» была помещена статья «ВТЭК и живой человек». Автор статьи С. Красовский поставил вопрос о необходимости изменить сложившийся бюрократический порядок прохождения инвалидов войны и труда врачебно-трудовых экспертных комиссий.

Министр социального обеспечения РСФСР тов. Муравьев быстро откликнулся на выступление газеты. Она признала статью правильной и своевременной и обещала принять меры, которые обеспечат улучшение работы ВТЭК и обслуживание граждан, свидетельствующих врачебно-трудовыми экспертными комиссиями. («Ответ тов. Муравьевой был опубликован в газете 26 сентября»). Однако положение во ВТЭК до сих пор не изменилось. Об этом говорят многочисленные письма наших читателей.

«После ответа тов. Муравьевой, опубликованного еще в сентябре прошлого года, мы считали, что мытарства инвалидов при прохождении ВТЭК будут сокращены. В действительности их не убавилось, а прибавилось. Раньше у нас в городе при повторном установлении инвалидности требовалось лишь прохождение ВТЭК с предварительным представлением справок, анализов и снимков. Теперь мы должны проходить еще одну комиссию — врачебно-контрольную. В результате этого увеличился приток больных, направляющихся из ВКК. Сейчас так устанавливается очередь на несколько дней вперед, увеличилась переписка, отчего работа ВТЭК не улучшилась и попадать туда стало труднее, чем прежде», — сообщает А. Ехлаков и В. Шестаков из Саранска.

«У нас в Риге для переосвидетельствования инвалидов называют «черными днями». Если подчитать, сколько рабочего времени тратится на собрание и составление всяких справок, характеристик, направлений на анализы, снимки и прочее, то, пожалуй, получится, что вся эта процедура обходится государству не меньше суммы самих пенсий», — высказывают свои мысли инвалиды Отечественной войны, рижане гг. Кучев, Тогин и Лейманис.

«Когда же, наконец, будет упрощена неправдоподобно сложная, изматывающая нервы больных и врачей бюрократическая система обследования инвалидов?» — спрашивают В. Зайцев из Воронежа, А. Бейлисон из Горького и М. Чаркин из города Лубны.

Законный вопрос.

Времени прошло немало. Но Министерство социального обеспечения РСФСР до сих пор еще не осуществило им же самим намеченных мер, которые, как обещала тов. Муравьева, обеспечат улучшение работы ВТЭК и обслуживание граждан. Что же препятствует министерству изыскивать пути улучшения работы подчиненных ему учреждений? Отсутствие настоятельной или неумение быстро перейти от решений к реальным действиям?

Живой человек ждет... Не слышим ли затянutosь это ожидание?..

СТАЛИНГРАД —
ОДЕССА

СТАЛИНГРАД (Наш корр.). Коллективы драматических театров двух городов — Сталинграда и Одессы — решили в связи с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией обменяться гастролями. В мае в новом здании Драматического театра имени Максима Горького начинает свои гастроли Одесский государственный театр имени Октябрьской революции. В этот же день спектаклем о строителе Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина — «Большой шаг» А. Шейнина — начинает в Одессе свою работу Сталинградский драматический театр имени Максима Горького.

СТАЛИНГРАД —
ОДЕССА

СТАЛИНГРАД (Наш корр.). Коллективы драматических театров двух городов — Сталинграда и Одессы — решили в связи с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией обменяться гастролями. В мае в новом здании Драматического театра имени Максима Горького начинает свои гастроли Одесский государственный театр имени Октябрьской революции. В этот же день спектаклем о строителе Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина — «Большой шаг» А. Шейнина — начинает в Одессе свою работу Сталинградский драматический театр имени Максима Горького.

СТАЛИНГРАД —
ОДЕССА

СТАЛИНГРАД (Наш корр.). Коллективы драматических театров двух городов — Сталинграда и Одессы — решили в связи с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией обменяться гастролями. В мае в новом здании Драматического театра имени Максима Горького начинает свои гастроли Одесский государственный театр имени Октябрьской революции. В этот же день спектаклем о строителе Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина — «Большой шаг» А. Шейнина — начинает в Одессе свою работу Сталинградский драматический театр имени Максима Горького.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ШЕВЧЕНКО И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ

Общественно-политические взгляды великого украинского поэта, выраженные им в стихах, поэмах, повестях, дневниках, письмах, — вот что прежде всего привлекает внимание И. Головахи — автора книги «Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы 50—60-х годов XIX столетия» (Киев, Издательство Академии наук УССР, 1953, 151 стр.). И. Головаха выделяет в убеждениях Шевченко те черты, которые объединяли его с великими представителями российской революционной демократии — Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым.

Передовая русская философия была неразрывно слита с публицистикой и литературной критикой. Это делало философию боевой и действенной, а критическую мысль — философией обеспокоенной. Великие русские мыслители не могли не ставить и не решать насущных практических задач политики, морали, права, экономики, эстетики. И. Головаха показывает, что подобным путем развивалась также украинская общественная мысль. Шевченко шел от раздумий о судьбах родного народа к широким философским выводам. Он стал мыслителем, потому что был борцом.

Подобно русским революционным демократам, Шевченко был убежденным материалистом. В его воззрениях сказывались элементы диалектики. Борьба за народное искусство, он был непримиримым врагом «чистого искусства», стремился сделать искусство активной, действенной силой.

Последователь объективно доказывает, что очевидная близость идеологии русских революционных демократов и Шевченко была вызвана прежде всего прочной жизненной основой — единством исторических судеб народов-братьев, а не неким книжным «заимствованием». Жизнь привела Шевченко к революционному демократизму, к единству с лучшими людьми России. Он глубоко воспринимал идеи, выдвинутые передовыми русскими деятелями и мыслителями.

Хочется, чтобы исследователь смело шел непроторенными путями и выступал с работами, пусть менее «всеобъемлющими», но более конкретными и более самостоятельными.

В. ТУРБИН

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

Из прозаических произведений, помещенных в № 6 «Ленинградского альманаха», наибольшее внимание читателей заслуживает повесть молодой писательницы Валентины Левицкой «Первая любовь».

В. КОМИССАРОВ

ЗАОЧНИК У— УВАЖЕНИЕ И ПОДДЕРЖКА!

Когда раскрываются утром многочисленные двери университетов и институтов страны и врывающийся с толпой студентов ветерок застывает тактично прозенет хрусталь люстр в залах московского Дворца науки, студент Илья Кривошеев уже давно на ногах.

Осталась за его спиной Красава — маленький песчаный островок, затерявшийся среди болот и мрачного леса, скрылись за деревьями ее белые домики. Еще темно, но впереди все ширится яркая красная полоса утренней зари. Под резновыми сапогами потрескивает подерзанная корка, чвакает вода, а ноги чуть не по щиколотку уходят в мох. С коврика на ковчуга шагает Илья Кривошеев — начальник добычи Ларьянского торфопредприятия, студент заочного отделения торфяного института.

Собственно говоря, на «добычу», как называют место разработок торфа, есть другая дорога: по опушке леса. Здесь можно идти без риска провалиться в какую-нибудь незаметную мочажину. Но дорога эта вдвое длиннее, а дел у Илья Кривошеева столько, что о дороге в обход он и не думает.

Где-то впереди, невидимый, воркует экскаватор: чистит канал, который тянется рядом с тропинкой. Морозец, подсушивший ночью валяющуюся было за несколько сырых дней почву, не сумел скватать воду в канале, и она тихо и странно журчит среди белого холодного безмолвия...

Скоро выйдут на поле десятки машин, зажужжат, потянут из карьеров бурую торфяную жижу. Весенняя в трубы мощными моторами вода ударит из гидромониторов в торфяную залежь. И множеством машин и людей, обслуживающих эти машины, будет управлять начальник добычи Ларьянского торфопредприятия Илья Кривошеев...

Экскаватор все ближе и ближе. Из кабина вынырнула экскаваторщик и по тонкой ледяной корке канала, там, где экскаватор еще не взошел, е, перемачивая Кривошееву. Тотчас же велел за ним повисла из-за машины красносный старик в вышканным полушубке. Пока Кривошеев указывал экскаваторщику, что под машинной слаб настал — экскаватор садится в торф, — старик осторожно пробовал ногой лед канала. И вот уже его емкий хриплый басок слышится рядом с Кривошеевым:

— Слышь-ка, Илья Егорович. А ведь я тебя пошутил!

— Уйди, Афанасьев! — машет на него экскаваторщик. — Надейся...

— Это почему твои трактористы у меня бревна таскают? Если они им по пути, — значит, тащи! — вскипает старик, но видно, что сердится он больше для порядка, и, когда Кривошеев уходит, он недовольно ворчит:

— Черт спойонный! Я ему на прошлой неделе звоню часов в одиннадцать — проваду у меня малость искрился — кричу: «Пожар! Свои твои горят. А он...»

— Вот и глупость, — сурово перебивает старика экскаваторщик. — Ты вот вончи сегодня работать и — свободен. Заберешься куда-нибудь — хорошо, если в кино... А Илья Егорович — сразу за учебники. Это ж понимать надо, у него каждая минута на счету, а ты к нему с чепухой...

Старик еще долго что-то бубнит, перебираясь по тонкому льду на тот берег канала, но вид у него явно сконфуженный, и бубнит он, чтобы не выдать своего смущения.

Уже совсем рассвело. Четкой стала зорчатая линия залесого леса. Там, еще дальше за этой линией, в больших и маленьких городах, в институтах и университетах — десятки тысяч студентов. У них очень много дел и забот. У них долгие, на-

пряженные часы лекций и семинаров, переживания на конференциях и диспутах, горячка экзаменов и зачетов.

И все же как неравными труды и заботы их вузовской жизни с жизнью Илья Кривошеева, с жизнью студентов заочных институтов!

Когда студенты в обычных вузах кончают занятия, Кривошеев, усталый, возвращается с работы. Покрутив несколько минут настройку приемника, он садится за учебники. Три часа ежедневных занятий, три часа во что бы то ни стало!

Над столом Кривошеева — большая фотография жены, темноволосой молодой женщины. Двух лет не прошло, как женились они. А совсем недавно родился дочка. Немало пришлось поволноваться Илье в тот день. Долго бродил он по улицам поселка, чтобы усталостью победить нервное напряжение, скрывавшее его в течение нескольких часов неизвестности: все ли обиделось благополучно. Но вот на болячки позвонили, поздравили с рождением дочки. И в этот вечер, как всегда, Илья Кривошеев сидит за учебники. Три часа ежедневных занятий, три часа во что бы то ни стало!

Скоро лето — пора студенческих каникул, веселых походов, экскурсий. Как ждут этой поры студенты! Ждет лета и студент Кривошеев, но ждет совсем по другой причине. Летом начинается для него самая трудная, самая ответственная работа. Будет ходить по болоту, проваливаясь по ночам в щели, в разрывы торфяного слоя, подбегающие бурой болотной волной на дне. Будет перебегать по черному скользкому тесу трубопровода в гиблых, трясинных местах, спасая опускание при обвалах машины-краны, и ночью засыпать коротким тревожным сном на узенькой лавочке вагончика, посреди поля. А ларьянский торф, нарезанный кирпичиками и высушенный, пойдет эшелонами в котлы электростанций. Тысячам машин дадут движение, сотни тысяч лампочек зажгут эти торфяные кирпичи, добытые на участке Илья Кривошеева.

Подобно Илье, тысячи студентов-заочников не отрываются ни зимой, ни летом от производственной своей деятельности, накапливая одновременно теоретические и практические знания. В этом преимуществе заочника: ведь студенту, кончающему обычный институт, надо еще несколько лет набирать этот опыт, чтобы стать хорошим специалистом. Но кто, кроме самих заочников, знает, какими усилиями, а порой и лишениями дается это преимущество!

Мы часто любим говорить, что трудное надо преодолевать. Это верно! Но бывает, что и недостатки называют у нас трудностями. А ведь недостатки надо устранять. Иначе все можно в ранг трудности произвести: преодолевайте, мол, товарищи. Приблизительно так и сказал инженер Илья Кривошеев главному инженеру предприятия тов. Крутов.

— Я прошу вас предоставить мне отпуск, — сказал Илья.

Главный инженер настороженно молчал.

— У меня сессия с двадцатого января, — сказал Илья.

— Сессия? — недовольно проговорил главный инженер. — Но так нельзя бросить все — и уехать! Вот закончите основные работы, тогда и пойдете в отпуск...

— Но я ведь не на курорт еду, у меня сессия начинается, — как можно убедительнее сказал Илья, прижимая ладонь не то к сердцу, не то к студенческому билету в наружном кармане. — Ведь для меня не будут специально сессию устраивать. Разве нельзя меня здесь заменить?

Тут-то главный инженер и заговорил о трудностях, которые надо преодолевать, об ответственности, которую он не хочет на себя брать. Илья смотрел на него и шутил: надо пойти к директору, он, конечно, раз-

решит. А если не разрешит? Тогда, значит, и бессонные ночи, и воскресные дни без отдыха, и тихие вздохи жены, одинокой, несмотря на всю любовь к ней Илья, — все это было напрасно?

А можно ли считать трудностью то, что для студентов-заочников так мало является специальными учебников? Приходится заниматься по учебникам, созданным для обычных институтов. Но ведь студенты обычных институтов каждый день слушают лекции. Учебник для них — вспомогательное средство для изучения материала. В то время как для заочников — это основное.

Все эти мысли приходят, когда наблюдаешь жизнь Илья Кривошеева. И думаешь, что, по справедливости, слово «заочник» должно стоять совсем рядом с такими словами, как упорство, воля, даже, смело можно сказать, — героизм. «Зеленую улицу» надо открыть для студента-заочника, идущего к достижению своей цели. А для этого надо, чтобы стал студент-заочник объектом постоянной заботы и внимания руководителей Министерства высшего образования, у которых заочное обучение все еще стоит, как некая добавка к основной работе. И существует поэтому обидное неравенство между нашими очными и заочными институтами.

Вот, например, один из крупных заочных институтов страны — Московский заочный политехнический институт. Лучшие профессора страны обучают здесь шестнадцать тысяч студентов-заочников. А весь институт расположен в трех-четыре комнаты и коридорчики. В каждой комнате — множество столов и шкафов, ломались от папок и бумаг. Между столами и шкафами — сложная система тумбочек, где ютятся сотрудники института. Тут же ожидают приема студенты. Негде поставить даже стул, чтобы мог присесть уважаемый профессор. Впрочем, сидеть здесь много не приходится; гораздо больше приходится заходить по различным институтам столицы, где разрешат прочитать для студентов-заочников Политехнического института лекцию или провести консультацию. Еще хуже «жизненное положение» Весомого заочного машиностроительного института. Да и ряд других.

Илья громким голосом требует, чтобы замечательное слово «заочник» вышло из заголовков и полузаголовков и зазвучало в светлых залах и новых лабораториях, таких же, в каких занимаются все студенты нашей страны.

Много умных машин на Ларьянском торфопредприятии. Сложно их устройство. И с каждым годом прибывает сюда все более сложная техника. Конечно, вслед за ними идут и новые методы работы. И пусть Илья Кривошеев все только переходит на третий курс, — он уже научился от института самое главное: умение творчески мыслить, самостоятельно решать задачи, которые возникают в непрерывном движении жизни.

Над Красавой — ночь. И хотя бесконечное число раз встречалось описание ночного поселка, темных домов и освещенного окна, в котором выдвигается силуэт человека с книгой, хочется повторить его. Да, действительно, каждую ночь можно видеть среди густого северного леса спящий маленький поселок, освещенное окно дома и силуэт человека с книгой, человека, которого называют таким почетным, хорошим словом — студент-заочник. Скрытый свет этот быстро тережится среди заснеженных деревьев и через несколько сотен метров становится невидимым.

А жаль! Свет таких окон должен быть виден всем.

ТИХВИН,
Ленинградской области

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Две краски одного драматурга

Он шел от завязки к развязке. Имел всего лишь две краски. Одна была белая-белая. Другая же — черная-черная. Две краски!.. Но в них была целая Дя творчества база опорная. Он долгие годы старательно Работал одними белыми. Все было вокруг замечательно. Все было хорошим, милым. И все, что он видел на свете. Рождало в нем лишь умиление... Но вдруг он почувствовал — ветер

Схватил свою кисть он проворную. Решение принял он смелое. И краски взял черную-черную. Замаязал все белое-белое.

Орудия черною краскою. Он на небо смотрит с опаскою: Вдруг снова погода изменится? Ну, что ж! Он опять не поленился.

Томительных пауз не делая. Возьмет свою кисть он покорную И краскою белою-белою Замаяжет все черное-черное.

Многострадалная бочка

Как известно, для того, чтобы построить завод, надо его спроектировать, а чтобы спроектировать, необходимо знать, что на этом заводе будут производиться и какое нужно оборудование. Истина бесспорна. Но о ней приходится напомнить в связи со строительством двух заводов на Сахалине. Дело так осложнилось в связи с дискуссией о самом предмете производства, хотя оный предмет не так уж и спорен: речь идет о выпуске обыкновенных бочек для перевозки и хранения рыбы.

В апреле 1950 года Министерство лесной и бумажной промышленности получило задание построить на Сахалине и ввести в эксплуатацию в 1952 году два завода по производству бочек.

Вначале ничто не предвещало осложнения. Техническое управление Министерства лесной и бумажной промышленности пригласило к себе на совещание рыбников, и обе заинтересованные стороны, не сходя с места, договорились, что на новых заводах надо изготовить фанерные клееные бочки: они дешевле и прочнее, чем выпускавшиеся до сих пор деревянные. Оставалось выбрать тип бочки.

Но техническое управление Министерства лесной и бумажной промышленности явно не торопилось. Что касается рыбников, то они с ангельской кротостью взгляда на эту «тихую эзду» технического управления и были немь, как рыба.

Однако Центральный научно-исследовательский институт фанеры и мебели в конце концов создал многоклепную клееную бочку, обладающую рядом несомненных достоинств: прочностью, непротекаемостью, многооборотностью. Кроме того, новая конструкция позволяла организовать поточное производство при почти полном отсутствии отходов древесины.

Рыбники, до тех пор пребывавшие в состоянии безмятежного покоя, проведя в многоклепной бочке, вдруг проявили бурную активность. Они начали во всем сомневаться: в количестве клепок, в качестве клея, в количестве шпона (склеенных листов), в качестве испытаний и так далее.

Эта сомнительная активность рыбников повлекла за собой «апоху» бесконечных переговоров, переписки и совещаний. За это время было написано и наговорено очень много разных слов, но так и не был решен вопрос о многострадалной бочке — одна сторона предлагала, а вторая сомневалась. Страдала от этого третья, самая главная сторона — потребитель. Да оно и понятно: от бюрократизма, в чем бы он

ни выражался — даже в глубокомысленных разговорах о конструкции бочки, — страдают в первую очередь живые люди. Лишь 19 октября 1953 года сверху нужно оборудование. Истина бесспорна. Но о ней приходится напомнить в связи со строительством двух заводов на Сахалине. Дело так осложнилось в связи с дискуссией о самом предмете производства, хотя оный предмет не так уж и спорен: речь идет о выпуске обыкновенных бочек для перевозки и хранения рыбы.

Эти оптимистические предположения вскоре, однако, померкли, как дучи восходящего солнца в густом тумане. Не так давно техническое управление Министерства лесной и бумажной промышленности получило послание от технического управления Министерства промышленности продовольственных товаров. В этом бумажке написано, что рыбники в принципе не возражают против многоклепной бочки. Но в ней оказалась ложка дегтя: окончательный ответ, пишет далее заместитель начальника управления тов. Аламовский, будет дан после испытания еще пятисот бочек.

— Видите ли, — объяснил нам причину столь долгих и мучительных сомнений начальник отдела техники и технологии рыбной промышленности технического управления Министерства промышленности продовольственных товаров тов. Попов, — нам трудно окончательно решить этот вопрос: у нас в отделе нет специалистов по деревянной таре.

Что и говорить, убедительно объяснение для потребителя, желающего купить дальневосточную селедку!

А пока что два завода, которые в 1952 году уже должны были снабжать тарой рыбную промышленность Сахалина, в 1954 году не существуют даже на бумаге, так как проект одного из них еще не начат, а второго еще не закончен.

За каждое дело, большое и малое, — пусть речь идет даже о самых прозаических вещах — той же бочке, — нужно бороться заинтересованно, с душой. И если такой заинтересованности нет, если живое дело подменяется ведомственными распрями, то получается печальный результат, подобный печальному итогу вышеназванной истории: долгие годы канули, как в бездонную бочку.

Я. ДЫМСКОЙ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Под таким заголовком 4 февраля в «Литературной газете» была опубликована статья о неудовольнительном качестве лесной для безопасных бритв, выпускаемых московским заводом «Красная звезда» и Ленинградским заводом металлических изделий.

Как сообщил редакция министр местной и топливной промышленности РСФСР тов. Н. Чесноков, для улучшения качества лесной министерство разработало и представило в Совет Министров СССР проект

«ЛЕЗВИЕ»

решения, предусматривающий проведение ряда мер на заводе, выпускающих лезвия, в частности замену изношенного оборудования на заводе «Красная звезда».

В проекте предусматривается и улучшение качества лезвия для лезвий, изготовляемых заводом имени Молотова Министерством черной металлургии. Кроме того, перед научно-исследовательскими институтами поставлен вопрос об исследованиях по автоматизации контроля качества выпускаемых заводами лезвий.

ВИНОВЕН ЛИ САЛЬЕРИ!

Признаться, я с некоторым предубеждением принялся за чтение книги «Моцарт и Сальери» (Музгиз, М. 1953, 136 стр.), автор которой Игорь Балза, как мне казалось, неопровержимо доказал, что Сальери отравил Моцарта. Неопровержимо ли? «Завистник, который мог овладеть «Дон Жуаном», мог отравить его творца», — писал Пушкин, возражая против необоснованности обвинения, возведенного им на Сальери. Мог отравить... Но отравил ли?

Первые страницы книги представляют собой попытку — во многом убедительную — дать, так сказать, музыкальный подтекст к гениальной трагедии. Встречаются и некоторые натяжки, в особенности там, где автор приписывает Пушкину излишнюю остроту социальных характеристик.

Вот, например, известная сцена трагедии, где Моцарт просит браточего музыканта, привдеденного им с улицы, исполнить что-нибудь на скрипке.

«Старик играет арию из «Дон Жуана»; Моцарт хохочет», — гласит пушкинская ремарка. «Этот хохот», — пишет И. Балза, — счастливы! смех гениального мастера, полуживого его творения — это доказательство признания его творений в тех демократических кругах населения, которые слушают их не в театрах и «академиях», а на улицах». Произвольное толкование!

Но сущность дела в другом. Вслед за историко-музыкальным анализом автор переходит к прямым доказательствам виновности Сальери. Сопоставляя факты известные и неизвестные, он рисует картину, не оставляющую сомнений в том, что Моцарт был действительно отравлен своим завистником и смертельным врагом. Не буду приводить в этой краткой заметке всей убедительной системы доказательств. Упомяну лишь об одном факте, исчерпывающем все остальные. Ближайший друг Бетховена Антон Шиндлер, беседа с глухим композитором с помощью записей в его «разговорных тетрадях», сообщил ему о том, как Сальери, чувствуя приближение смерти, сказал друзьям, что он отравил Моцарта и хочет признаться в своем преступлении на исповеди. Слухи об этом вскоре появились в газетах и, без сомнения, стали известны Пушкину. По слухам — это только слухи. Сальери хотел признаться, но признался ли? И можно ли это доказать?

Известный австрийский историк музыки Гвидо Адлер, как сообщает Игорь

Балза, нашел в одном из венских архивов подробную запись исповеди Сальери. Духовник композитора доносил епископу, что Сальери не только признался в отравлении Моцарта, но рассказал, где и при каких обстоятельствах он подсыпал ему мелкую действующий яд. Гвидо Адлер установил, что указанные в исповеди даты, места и обстоятельства встреч композиторов полностью соответствуют историческим данным и что, таким образом, исповедь Сальери — не предсмертный бред умирающего, а точное воспроизведение картины страшного злодеяния.

Австрийский историк рассказал своим ученикам о найденном документе. Он поделился своими изысканиями и с Б. В. Асафьевым, известным нашим композитором и музыковедом, причем Асафьев, как сообщает автор книги, своими глазами видел копию предсмертной исповеди Сальери. Но опубликовать документ не удалось: этому воспротивился Ватикан — не потому, разумеется, что публикация скомпрометировала бы память Сальери, а потому, что самый факт существования такой записи нарушает «тайну исповеди».

«Если хотя бы одна запись исповеди будет опубликована, — иронически замечает И. Балза, — то кто же будет доверять своим священникам?»

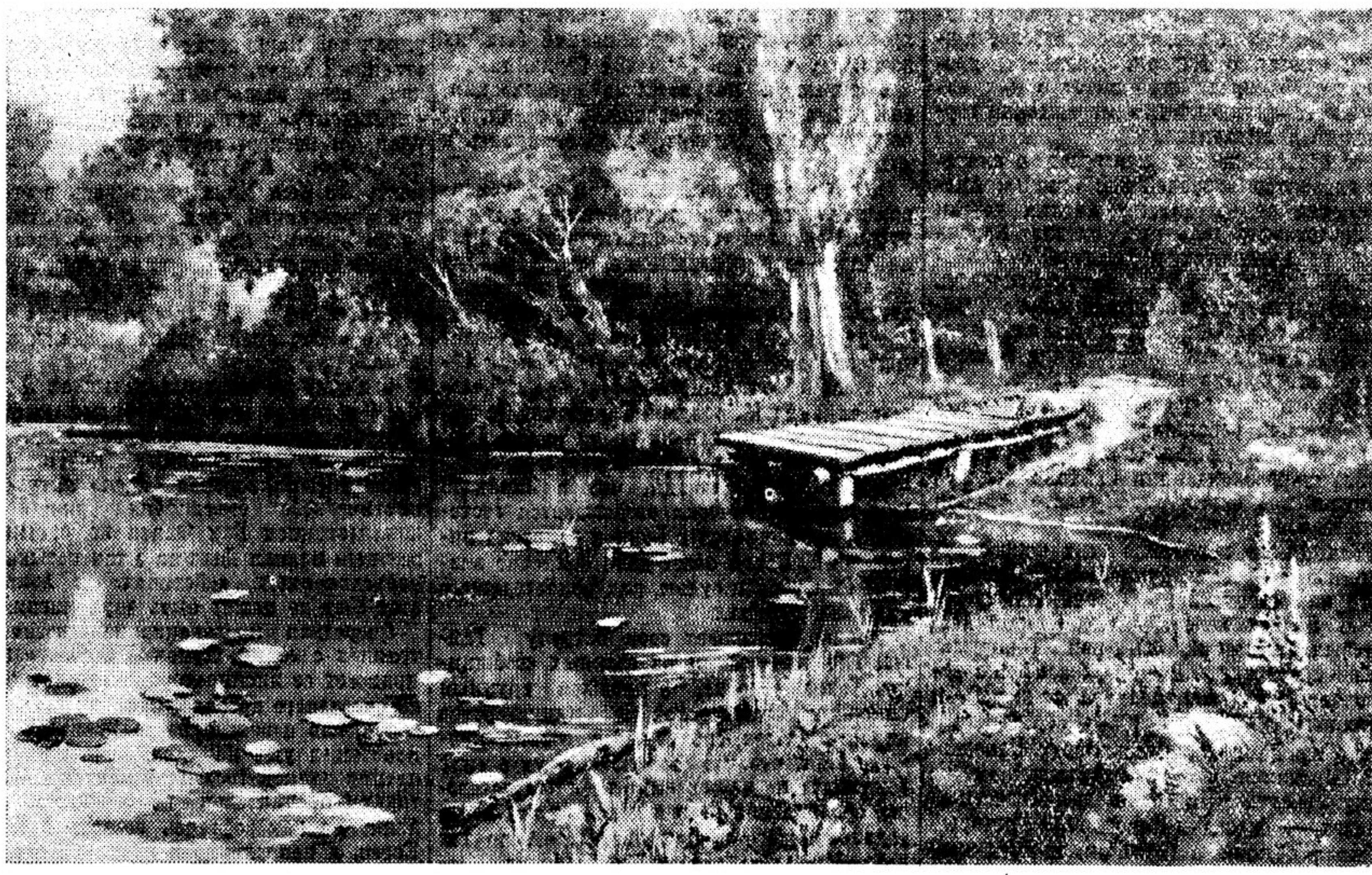
Судьба архива Гвидо Адлера, скончавшегося в 1941 году, — неизвестна. Но его друзья и ученики сообщили автору книги, что публикация исследования, как содержащего «не подлежащие оглашению» материалы церковных архивов, попрежнему встречает возражение католической церкви.

Читатель с интересом прочтет книгу И. Балзы, доказавшего, что гениальная пушкинская формула: «Гений и злодейство — две вещи несовместные» — основана на исторической правде.

В. КАВЕРИН

В ПРЕДМЕСТЬЕ ТУЛУЗЫ

Мальчики играли в войну. Чтобы затеять эту игру, Леону пришлось преодолеть немалые трудности, которые хорошо знакомы мальчишкам во всех концах Европы и в которых не отдадут себе достаточного отчета многие американские дипломаты. Пикто из юных героев книжки французского писателя Пьера Гамарра «Дети нищеты» (Иллюстр. 1954, 143 стр., перевод И. Тихомировой) не хотел быть «партизаном», все хотели быть «партизана-

Читатель видит репродукцию картины одного из замечательных русских художников В. Д. Поленова «Заросший пруд». Вот что сказано о ее содержании и значении в недавно выпущенной Госиздатом книге Ф. Калопина «Содержание и форма в произведениях искусства»:

«Картина Поленова «Заросший пруд» изображает уходящее лето, в гуще деревьев у заросшего пруда вырисовывается фигура одинокой сидящей женщины. Вся картина пронизана грустным лирическим настроением по поводу чего-то уходящего, невозвратного. Но, раздумывая над этой картиной, современный советский зритель нередко приходит к заключению о неизбежности ухода старого и возникновения нового, как бы старое ни было в отдельных своих проявлениях прекрасно в прошлом. Советский зритель видит в этой картине улавливание старого, отжившего, и картина приводит его к мысли о торжестве нового, развивающегося, передового».

На картине Поленова, газетная репродукция которой не может, разумеется, передать всех ее достоинств,—живая, полная сил и красоты русская природа. пейзаж, как всегда у Поленова, поэтичен, сердечен, прочувствован; изыскан и тонок рисунок.

Картина глубоко человечна, она богата настроением, в ней есть и нежная лиричность, и глубокое раздумье, и замечательное ощущение прелестной зрелости, свежести, ясности... Замечательные краски, сочетание тонов помогают художнику создать поэтическую атмосферу картины. Ничего этого не видит исследователь. Обрубая творение художника, полностью обходя его художественное своеобразие, исследователь находит в произведении искусства лишь общую мысль.

Идея борьбы нового и старого как основы всего развития общества — это глубокая и мудрая идея. Но это не отмычка, которой можно бездумно открыть любой замок. Нельзя развешивать эту идею, не обратившись к тому конкретному, индивидуальному, неповторимому, что внес художник в свое произведение.

Ту же общую мысль обнаруживает автор и в музыкальной драме Мусоргского «Хованщина». Главная философская идея оперы — «...неизбежная гибель старого, отживающего, реакционного, цепляющегося за жизнь, и неизбежная победа нового, развивающегося».

Прочтешь это и задумаешься, чем же отличается пейзаж от исторической музыкальной драмы?

Повторяя фразу о борьбе старого и нового и наклеивая этот тезис, как ярлык, на самые разнообразные произведения искусства, не обращая внимания на их идейно-художественное своеобразие, автор, видимо, думает, что он диалектически трактует шедевры искусства. На самом деле «диалектику» эту следует назвать верхоглядством и вульгаризаторством.

На таком уровне пишущие еще подчас книжки по эстетике! В них коммюнистическое изложение общих вопросов, бесконечное обращение к цитатам — в кавычках и без кавычек — сочетаются с разительной бедностью, когда дело доходит собственно до произведений искусства. Появление книги Ф. Калопина еще раз свидетельствует о том, как неблагоприятно положение в области эстетики, как мало делают наши философы и литературоведы для преодоления отставания эстетической науки.

О книге Ф. Калопина следует сказать еще, что она написана сухим, бесцветным, избивающим канцелярскими оборотами языком. Вот здесь-то автор убедительно доказывает, что содержание действительно определяет форму...

ЧИТАТЕЛЬ

Украинские писатели и артисты в Москве

Вчера в столицу для участия в вечерах украинской литературы и искусства, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией, приехала группа писателей. В их числе: М. Бажан, П. Бессоляцкий, В. Васильевская, П. Воронько, Л. Дмитренко, П. Козланок, А. Корнейчук, А. Малышко, М. Нагнибеда, А. Писуха, Е. Поповкин, Л. Первомайский, Н. Рыбак, М. Рыльский, М. Стельмах. В Москву приехали также украинские деятели искусства: народные артисты СССР И. Паторжинский и Б. Гмыря, народный артист УССР П. Белицкий, заслуженные артисты УССР З. Старченко,

Т. Пономаренко, Л. Лобанова-Рогачева, Н. Гончаренко, Е. Потапова, Н. Фокин, Н. Панасенко и другие.

Во время своего пребывания в Москве, с 15 по 24 апреля, украинские писатели и артисты побывают в заводских дворцах культуры и клубах, в воинских частях, в Академии общественных наук при ЦК КПСС, у студентов.

Сегодня в Московской государственной консерватории, под председательством А. Суркова, состоится первый вечер украинской литературы и искусства.

В Коми-Пермяцком национальном округе

КУДЫМКАР. (Наш корр.). Окружное издательство выпустило на коми-пермяцком языке сборник «В наши дни», в который включены стихи, песни, очерки и рассказы 14 местных авторов. Вышла книга стихов «Огни в Парме» поэта Н. Попова. Редакция окружной газеты «По ленинскому пути» объявила конкурс на лучший рассказ, очерк, фельетон.

Поли книжное издательство работает литературная группа, в которую входят все местные литературные силы. Группа обдумала несколько произведений молодых авторов, а также заслушала доклады на литературные темы.

Встреча с немецким писателем Э. Клаудиусом

На днях московские литераторы принимали у себя в гостях прогрессивного немецкого писателя, лауреата Национальной премии Эдуарда Клаудиуса. Он приехал в связи с открытием в Москве выставки «Книга в Германской Демократической Республике».

В беседе с московскими писателями Э. Клаудиус охарактеризовал состояние современной немецкой литературы. Он подчеркнул, что одной из задач писателей ГДР является борьба против схематизма и лживости действительности, за глубокую правду жизни.

Э. Клаудиус рассказал о талантливой молодежи из среды рабочих и крестьян, идущей в литературу, о предстоящем открытии в Берлине литературного института. По просьбе собиравшихся писатель сообщил о своей работе над новым романом «О любви надо не только говорить».

Э. Клаудиус высказал ряд критических замечаний о качестве предисловия и перевода на русский язык его книги «О тех, кто с нами».

ми». Если военные действия, в конце концов, развернутся, то это произошло не потому, что Леону удалось сколотить просторную «европейскую армию», — просто ребята бросили жребий, и группе мальчиков волею-неволею пришлось взять на себя роль «окупантов».

Маленькому Жужу не повезло. Леон, командир «партизан», захватил его в плен на чердаке. На том самом чердаке, где во время войны гестаповцы арестовали старика Ребуля. Его портрет висит теперь в зале, где происходит собрание коммунистов рабочего квартала Тулузы. Под портретом надпись:

ПОЛЬ РЕБУЛЬ,

герой движения Сопротивления, родился 14 апреля 1889 года, убит в Маутхаузене в 1944 году

Так в описании летской игры, в картинах, воскрешающих недавнее прошлое, начинает звучать на первых же страницах книги ее главная тема: люди и война, судьба Франции и судьба француз.

Не будем пересказывать содержание книги, не будем знакомить читателя с ее героями, пусть он сам, читая роман, познакомится и с матерью маленького Жужу, прачкой Анжел, муж которой погиб на войне, и с Пран, дочерью Поля Ребуля, и с коммунистом Жаком Рамоном, рабочим-металлистом, отцом Леона, и со стариком Гурманденом, существующим на иппенскую пенсию, и с сапожником Руажем, чей молоток с раннего утра стучит в одной из каморок ветхого дома предместья Тулузы, где происходит действие романа.

Знакомство это могло бы состояться много раньше. Книга Пьера Гамарра вышла в Париже в 1950 году. Название ее на русском языке испорчено затянutos. За это время писатель выпустил по Франции три новые книги: «Женщина и река», «Сирень Сен-Лазара» и «Розали Брюсе».

Новые романы Пьера Гамарра свидетельствуют о его быстром творческом росте, и особенно отрадно, что писатель сохраняет привычку к своеобразной манере повествования, позволяющую французскому критику Андре Вормсеру в свое время назвать роман «Дети нищеты» «поэтической распойкой».

Действительно, сильной стороной дарования Пьера Гамарра является теплота и задушевность его писательской интонации, то патетически взволнованной, то окрашенной мягким юмором.

Вчитайтесь в эти строки: «Жужу не мог

отвести глаз от почкинок. Они лежали целыми горами, освещенные газовыми рожками. Мать объяснила ему, что почкинки жарились на конском сале, но это никак не могло на него не подействовать — ведь Жужу любил лошадей, и они были милой ему в любом виде». Сколько здесь горькой боли за прачку Анжел, которая и в праздничные дни не может поблагодарить сына гостинцем. Как хорошо, с какой теплотой, в двух-трех словах воссоздает автор переживания маленького Жужу — и в этот момент и затем, когда он, миновав лотки с почкинками, смотрит на земляные орехи и вспоминает, что «однажды пробовал их».

Роман Пьера Гамарра, несомненно, будет тепло встречен читателями. Он расширяет наше представление о французской прогрессивной литературе и является убедительным примером ее многообразия.

Н. РАЗГОВОРОВ

СОБЫТИЯ И ГЕРОИ

...Сталинград летом 1943 года. Горы разбитого камня и кирпича, железного лома. Теплоходами по Волге, поездами со всех концов страны едут по призыву комсомола девушки и юноши на восстановление города-героя. Среди них — Аня Чуркина и другие комсомолки, героини повести Е. Герасимова «В Сталинграде» («Новый мир», № 12, 1953). В Сталинграде Аня и ее подруги работают вначале на очистке города от развалин, потом приобретают специальность, кто штукатурка, кто каменщица. Растет город, закладываются районы, нанесенные войной, меняются и положение людей, строящих его. Аня, Людмила, Ольга — передовики труда — переходят на комсомольскую и партийную работу.

В своей повести Е. Герасимов высказывает правдивые мысли, описывает достоверные факты, и все-таки его произведение не вызывает душевного волнения. Название «В Сталинграде» во многом обязывает. В повести, посвящая такое название, хотелось бы почувствовать ту особую атмосферу, которая вдохновляла людей, работавших на восстановлении Сталинграда.

Как это ни удивительно, но в повести о Сталинграде нет образов защитников города, нет и коренных сталинградцев, словно комсомольцы приехали на пустое место. А ведь сталинградцы первыми ввязались за восстановление города, стоит только вспомнить замечательное черкасовское движе-

ние! Чуть ли не единственный представитель местного населения Сан Саньч бледной тенью проходит по страницам повести. Лишь свою повесть характерных черт места и времени, автор лишил ее и значимости, обидел свое произведение.

После первых удачных, жизненно достоверных страниц, где описаны приезд комсомольцев в Сталинград, борьба с трудностями, колебания и победа главной героини над собственной слабостью, повесть о восстановителях Сталинграда превращается в историю их личной жизни и быстрого продвижения по общественной лестнице. Эта подмена внутреннего роста героя повышением его общественного положения — недостаток, свойственный, к сожалению, не одной только книге Е. Герасимова.

Скорговоркой, сумбурно рассказано о работе Ани и Людмилы в райкоме комсомола. Мы узнаем, что «одни лозунги смеялись, другим», что было «немало этапов и поворотов» в их работе, но не видим самой жизни райкома комсомола ни на одном из этих этапов. Видно, это была не работа, а засадебная суетня, хотя автор таких выводов не делает.

Но вот работу райкома раскритиковали в мух и прах на пленуме горкома комсомола: погнали в текучке, отстали от жизни, не замечают нового, не учатся... Какое действие возымела первая крупная неудача на судьбу героев? «Бывают же такие повороты!» — глубокомысленно изрекает Аня Чуркина, повесть об этом событии, обрушившемся на нее, «как гром в ясном небе». «Плетя... переругался со всеми — и в горькое и в обком», — сообщает она. Аня «тоже погорячилась». «Только одна Людмила сохранила спокойствие, и только она одна из нас осталась в райкоме...»

«Поворот» оказался поворотом опять только в служебном положении героев. В их сознании справедливый критика слухов не оставила.

В повести Е. Герасимова много событий, но, увеличившись ими, автор забыл о внутреннем мире своих героинь. Персонажи повести энергично действуют, но автор не разрешает им думать, чувствовать, лижет их этой мыслью, которой обычно обманывают и мечты молодежи.

Нам думается, что автору повести «В Сталинграде» нужно было серьезно поработать, чтобы оправдать ее название.

А. ДИРИНГЕРОВА

БОЛЬШИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Величественна и картина в своем жизненном разнообразии та большая и трудная дорога, по которой идут герои романа Л. Леонова «Русский лес». Идея этого выдающегося произведения — утверждение советского патриотизма во всей его животворящей силе, во всей множественности его проявлений — от героического вызова, брошенного в лицо нацистскому оккупанту, до самоотверженной преданности передовым научным идеям. Люди больших социальных дерзаний — смелый ученый-новатор, рыцарь русского леса Иван Вихров и его дочь Поля — скромные, простые герои, и в то же время это люди, готовые на самопожертвование во имя славных и благородных идей, исповедуемых ими. Гневно, горячо вступают Поля в словесный поединок с гитлеровским офицером. Ее порыв героичен, а пафос сконцентрирован. Здесь личность сугубо до пределов одного, — всего лишь одного, — но зато такого приметного, такого возвышенного деяния. Подвиг ее отца — совсем иной по своей внешней форме. Иван Вихров годами и десятилетиями отстаивает свои научные идеи. Он выносил их умом и сердцем, его не смогли сбить с пути никакие критические наскоки разнообразных «вертоковок» и идеологических хамелеонов. Грудно и нескоро пришлось Ивану Вихрову большое народное признание его научного подвига, но тем выше он — носитель новаторских патриотических идей.

Прекрасен у Л. Леонова этот взлет творческой мысли, объединенной в своем высоком романтичном порыве с повседневными усилиями многих скромных тружеников мира и войны — таких, как Морнинихин, таких, как приемный сын Ивана Матвеевича — Сережа, как ученик Вихрова — Осминин, как Родион, как советский дипломат, коммунист Валерий Крайнов. Этими лицами, второстепенными по своему месту в сюжете, густо заселен роман Л. Леонова. Они образуют тот плотный жизненный слой живых человеческих судеб и обстоятельств, внутри которого разрабатывается действие романа, сообщая ему во многих случаях достоверность реальности.

Роман Л. Леонова явился в лучшем смысле этого слова. Широко, раздельно выданы предвоенных и военных месяцев 1941 года. Но его рамки гораздо шире, — в творческом «створце» писателя уместилась и картина подлого и позорного десятилетия, наступившего в жизни российской интеллигенции после поражения революции 1905 года, и первые переходные годы после Великого Октября, и многие характерные черты иных годов — год социалистических пятилеток, когда складывалось научное мировоззрение Ивана Вихрова, когда лежали на него изюм всех углов со своей псевдопатриотической и его сателлиты — публичности и красноречия, на поверку оказавшиеся врагами нового строя.

Словесная живопись Л. Леонова щедро и многопланова. Радостно за мастерство Л. Леонова, достигшее в «Русском лесу» высокого подъема и накала. То вдруг ударит писатель по сердцу задушевым и щедрым описанием, в котором боги знакомые встают наша природа, облик наших сел и городов, то вдруг поднимается до разрядки сатирической силы обличения, наиболее ярко сказавшейся в монологах профессора Грацианского и фанатического офицера Вальтера Киттеля, таких не схожих, но столь родственных друг другу по социальной своей природе.

Вальтер Киттель, с безграничной и тушной наглостью упирающийся своим умением глубоко говорить по-русски, а на самом деле уродующий и унижающий великодушную стихию нашей речи, сводящий ее к дубовато-туловатому и пошлому подобию русского языка, — этот Вальтер Киттель отравитель в своем националистическом высокомерии. Он нарисован Л. Леоновым лишь в одной весьма деловой и прозаической ситуации — во время того, как он спокойно, без какого бы то ни было употребления пыток и зверств, допрашивает волею советскую разведку Полю. Но портрет Вальтера Киттеля — замечательное сатирическое обобщение, данное преимущественно через речь персонажа. Это редкое умение, еще раз подтверждающее высокую одаренность Л. Леонова в области драматургии, которая, в сущности, весь ее суммарный автохарактеристик героев. Жаль, что к диалогу Л. Леонов в «Русском лесу» прибегает сравнительно редко, — он владеет им в совершенстве.

Грацианский — этот скользкий и отвратительный в своей искусной мимикрии гад — тоже сатирически изображен Л. Леоновым и, главным образом, опьяненными через его речь. Она витиевата, курьезна, многопланова, она изобилует риторическими отступлениями, отговорами, фехтерскими псевдокрасивыми уподоблениями, а на самом деле внутренне пуста и ничтожна. Самоублажение Грацианского достигает удивительной сатирической силы и тогда, когда он пытается развить Вихрова стрелами своего адвокатского красноречия, и тогда, когда он лживо заискивает перед ним, и наконец, когда рассказывает в назидательном потемку о своей якобы революционной, а на самом деле провокаторской деятельности под крыльями жандармского полковника Чандицкого.

Невозможно пройти мимо того, как изображена в романе Л. Леонова Москва. Это не просто город, а некое живое существо, слитое из миллионов волею ее граждан, это в то же время и архитектурное чудо, отличающееся высокой красотой. Солнечные пейзажи доменной Москвы — «согласное множество разнородных строений, как бы струившихся в перерезом воздухе», изображенное через восприятие Поли, только что приехавшей в столицу из своей лесной глухомани, — восстанию прекрасны. Но, может быть, еще лучше Москва в борьбе, в схватке с врагом. Бомбежные и огненные ночи Москвы описаны Л. Леоновым умно и просто, с достоверностью и лиризмом большого художника.

А лес, тот самый русский лес, который дал не только название роману, но и конкретное выражение его патриотической теме, составил и его внутреннюю тему и его внутреннюю основу. Его образ дан Л. Леоновым в нечеткой, выразительности. Вот старая мать Обедя, в своей прямой, прямой, как луч, и без единого порока». В этот дивный мир сказки, нарративы были и поверий приходит хищный хозяин — российский купчина Кышнев, повально востребованный государственным

богатство. Вот сам он, для отыскания и забавы, начинает рубить дерево: «Сперва топор отскакивал от промерзлой заболони, но вдруг железо остервенилось, и в воздухе часто засверкала мелкая, косящая пыль щепа... Ничто пока не могло разбудить зимнюю дрему старухи... но вот ветерок смерти пошевелил ее хвост, и алая снежная пыль поспысалась на взмывшую спину Кышнева».

Только определение цвета щепа, как ностально, да необычайный эпитет алая по отношению к освещенной солнцем снежной пыли, — и вот художник достиг уже того, чего хотел. Его дерево ожило и стало бесконечно дорогим для читателя, как некое подобие раннего человеческого существа. И сразу обострилась ненависть читателя к хищнику-купцу, который «для разминки» погубил прекрасное дерево.

Так же заметными нажимами пера, выразительными и тонкими средствами добивается Л. Леонов нужного ему идейного и художественного эффекта. Но, увы, значительны и недостатки романа. Образы разработаны Л. Леоновым богато, многообразно, он показывает крутые и внезапные перемены судеб, острые психологические и социальные конфликты. Но все ли в поворотах судеб героев столь достоверно, как это может показаться на первый взгляд? Вот Поля. Ее характер целен, неуступчив, благороден и потому по-настоящему красив. И как же хорошо сказано у Л. Леонова о единстве этой молодой патриотки с родиной ей русским лесом! Вот идет Поля на разведку в логово врага, — и вся тамошняя природа затопилась ей навстречу. Она повисла снежно-мутно во всей Биге, выслала тугой, с морозцем ветерок и вольно пошевелил; она подкинула под ноги Полю полуприятную кошку крестьянских саней, прижавшихся сюда за сеном украдкой от завоевателей, и насторожила лапы лесу не сбивать ее с дороги. И старый бор обнял Полю за плечи и повел кратчайшим путем на ее маленький пологий холмик.

Но разве все в судьбе Поли и ее раздумьях так же взвешено и до конца проумано Л. Леоновым, как этот удивительный по своей полноте кусочек текста? Разве не странно, что лишь по одной журнальной трескотне Грацианского, подвергнутого книге ее отца, лихой «проработке», в сознании Поли укрепилась мысль, будто он, ее отец, — негодяй и тайный враг советской власти? Именно благодаря тому, что никак не раскрыта та среда, в которой формировался характер Поли, она выглядит подобием «кающейся дворянки». Ей представляется необходимым испустить грехи отца перед Родиной, и в то же время она обуреваема сознанием собственной социальной неподлинности. Искренний и чистый характер Поли, цельный и яркий характер героя нашего времени, без видимых оснований ломается, целостность его нарушена. Те писатели, персонажей которых писатель, никогда не найдут дороги к сердцу читателя. И не рещитесь богамозов хотим мы предложить Л. Леонову. Пусть у Поли будут свои реальные недостатки, подмеченные и выделенные писателем из самой жизни. Но именно здесь жизненная достоверность ускользнула из рук Леонова.

Прекрасен диалог-поединок Поли с фашистским офицером. Но развязка этого поединка напоминает сюжетную «внесаюзность», характерную для далеко не лучших литературных образцов. Немецкий староста вдруг оказывается подлинно советским патриотом и под аккомпанемент советской бомбежки убивает из пистолета Вальтера Киттеля. Снова противоречие — так психологически достоверна сцена допроса и так внешне, по канонам авантюриной беллетристики, решен сюжетный ход.

А мать Поли — Леночка — с ее странным бездумием от мужа! Разве в логике этого забитого существа, отнюдь не отличающегося сильной волей, такой крутой и скоронаправленный поступок? И почему же Леночка, страдающая, смутная, но глубоко честная душа, почему Иван Вихров, с его стремлением волею и во всем доискаться истины, не найдут на протяжении долгих лет жизни возможности встретиться, объясниться, решить свои судьбы и судьбу дочери Поли, растущей без отца? На эти настоятельные читательские «почему» нет ответа в богатой лирической ткани романа Л. Леонова, как нет их в логике, которая должна определять поступки действующих лиц. И Поля, и Леночка, да и сам Иван Матвеевич Вихров замечательно задуманы и во многом верно решены Л. Леоновым. Но временами писатель как бы подчиняется прихоти полубогини своего сюжетного построения, минуя внутреннюю логику поведения героев.

Вихров задуман как скромный, но прямой и упрямый характер. Можно понять, что он далек от мысли о личной карьере, что он способен отказаться от внешних почестей, от выгодных должностей. Но можно ли поверить в то, что на протяжении десятилетий Вихров игнорирует все наскоки своего врага Грацианского, что он ни словом, ни звуком не отвечает на его пышно-лобные статьи, хотя речь в них идет о бесконечно дорогих принципах науки, являющихся для Ивана Матвеевича главным содержанием его жизни?

Можно удивиться и простосердечию Вихрова, когда он вдруг принимает новгородское приглашение Грацианского. Удивиться и... не поверить писателю. Но оказывается, что и это нужно было только для сюжетного эффекта, чтобы Вихров, случайно оставшись один в кабинете Грацианского, прочел его дневник-трактат о самоубийстве и сразу повял бы истинное лицо своего заклятого недруга. Да, только для сюжетного эффекта, потому что несерьезное любопытство по отношению к чужим делам тоже свойство, противоречащее всей логике вихровского характера.

Так отступает Л. Леонов, нарушая убежденность своего талантливого романа неправдоподобными, ненатуральными ситуациями, ходами, положениями. О замке «Русского леса». Перед нами картина того случая, когда язык, по определению Горького, является первоэлементом литературного произведения. Вне языка, именно данного литературного языка, именно леоновского языка, роман «Русский лес» вообще немислям. Мы уже остано-

вливались на замечательных речевых характеристиках Грацианского и Вальтера Киттеля, которые целиком соответствуют сатирическому замыслу писателя и так метко и точно бьют в цель. Такова же сатирическая языковая характеристика, данная и другим полурочным Грацианского.

Общее чувство слова, чувство стили является одной из наиболее сильных сторон Л. Леонова. Слово, то единственное слово, которое, собственно, и создает поэзию языка, он умеет и любит выбирать из тысяч синонимов. В слове Л. Леонова радует его звучность, упругость, он как бы ощущает вкус и запах слова. Временами писатель блистательно афористичен. «Лучшие сорта лжи готовятся из полуправды», — говорит он, и это взрывается в память, как стихи. «...Лес для меня не профессия, а признание», — это уже совсем великолепно точностью и простотой определения.

Но, случается, риторика увлекает Л. Леонова в свои мнимо-красивые «бездны», и тогда его герои, да и он сам, начинают выражаться так выспренне, так завхренно-умственно и так «красиво», что, право, терзается реальное представление о месте действия и характере персонажей.

Вот, например, беседуют две девушки — Баря и Поля, — одна студентка, другая только что окончившая среднюю школу. Разговор идет на высокую тему и на высокой ноте. Но как бы высоки они ни были, невозможно представить себе Полю, выражающуюся столь цветисто: «Хорошо обработанная капитель общественного знания нужнее десятка посредственных картин, содержание которых зачастую дешевле и умней выразить типографским шрифтом». Собеседница отвечает в том же тоне: «И поняла твою мысль... твою протест против перекурку художественной ткани утилитарными заданиями».

И ощущая это, как фальшь, как неправду. Ну просто не говорят так наши молодые девушки между собой.

А вот беседа Ивана Матвеевича со своей сестрой Тасией, играющей в его доме роль домашней хозяйки. Тасия угораздило своего брата уйти от теоретических споров и вернуться в лес, на практическую работу. Вот как отвечает он ей: «Видишь ли, сестра, деревья на краю леса получают больше света и пищи, без утеснений растут... оттого повольносивей. Вот и меня природа поставила, как дуб на опушку, для ограждения от напрасного ветровоза. Как же мне уйти отсюда? Ведь корни рубить придется, а?»

Невозможно согласиться с этой выспренной тиролой, так неверно обозначенной самим Л. Леоновым, как «случка», и так не выходящей со скромнейшим внутренним обличком Ивана Матвеевича, никогда не ставшего бы сравнить себя с дубом. Это более противостественным языком он говорит Тасии дальше: «Вот сажу-ка я на днях туда, на родину... с птицами посоветуюсь». «Посоветуюсь с птицами» — это уж чистая уловка!

Сам Тасия выражается на каком-то странном, слейном наречии: «Спасибо тебе за труд твой, защитница ты наша», — так обращается она к племяннице-комсомолке, вернувшейся с постройки окон.

А какое странное пристраение у Л. Леонова к уменьшительным словечкам! Вот кованская речевая характеристика кулака Золотухина — «золотце», «нефтичка». Вот «топорничок», которым орудует клинчатист Кышнев. Под стать им словари, в обрамлении которых предстает иногда образ Грацианского: «предметцы», «сигарка».

Однако, если эти словечки как-то характеризуют людей, связанных со старым миром, то почему ими столь же щедро награждены персонажи совсем иного плана? Неужели «куполочек», «золотце», «мелбелничка» и прочие могут характеризовать восприятие комсомолки Морнинихинской подлинной бомбежки в одном из перекурков Москвы? Неужели и для образа Поли обязательны «пожарничок», «проебница»? Неужели подольщик и дипломат Валерий Крайнов и впрямь в родстве с такими лексическими единицами, как «постришок», «роднички жизни»? А вот появился на абстрактные профессор Вихров, — и снова посыпался «должок», «лесочек», «стреновичек», «кустарничек».

Почему запах сирени, такой знакомый многим людям, связанных со старым миром, то почему ими столь же щедро награждены персонажи совсем иного плана? Неужели «куполочек», «золотце», «мелбелничка» и прочие могут характеризовать восприятие комсомолки Морнинихинской подлинной бомбежки в одном из перекурков Москвы? Неужели и для образа Поли обязательны «пожарничок», «проебница»? Неужели подольщик и дипломат Валерий Крайнов и впрямь в родстве с такими лексическими единицами, как «постришок», «роднички жизни»? А вот появился на абстрактные профессор Вихров, — и снова посыпался «должок», «лесочек», «стреновичек», «кустарничек».

Почему запах сирени, такой знакомый многим людям, связанных со старым миром, то почему ими столь же щедро награждены персонажи совсем иного плана? Неужели «куполочек», «золотце», «мелбелничка» и прочие могут характеризовать восприятие комсомолки Морнинихинской подлинной бомбежки в одном из перекурков Москвы? Неужели и для образа Поли обязательны «пожарничок», «проебница»? Неужели подольщик и дипломат Валерий Крайнов и впрямь в родстве с такими лексическими единицами, как «постришок», «роднички жизни»? А вот появился на абстрактные профессор Вихров, — и снова посыпался «должок», «лесочек», «стреновичек», «кустарничек».

Зачем так сложно и сверхобразно нужно было говорить о Киттере, причём адресовать нижеприведенную формулу оратору на рабочем митинге:

«Старому миру не составило труда рядом поблажек и коварных отступлений разогнать неумную дерзость подвернувшегося горлана до манькальной мечты о мировой империи».

Витиеватость речи, стремление выразиться то с изыском, а то с нарочитой просторядностью, то с вывертом, а то подпернуто отрубленно временами мешает Л. Леонову достичь полноты прозрачности языка. Ясные, чистые, унизительно четко написанные страницы соседствуют со словесным шлаком, с манерной загроможденностью.

Думается, что Л. Леонов в чем-то существенно отстает здесь от традиций реалистической русской прозы.

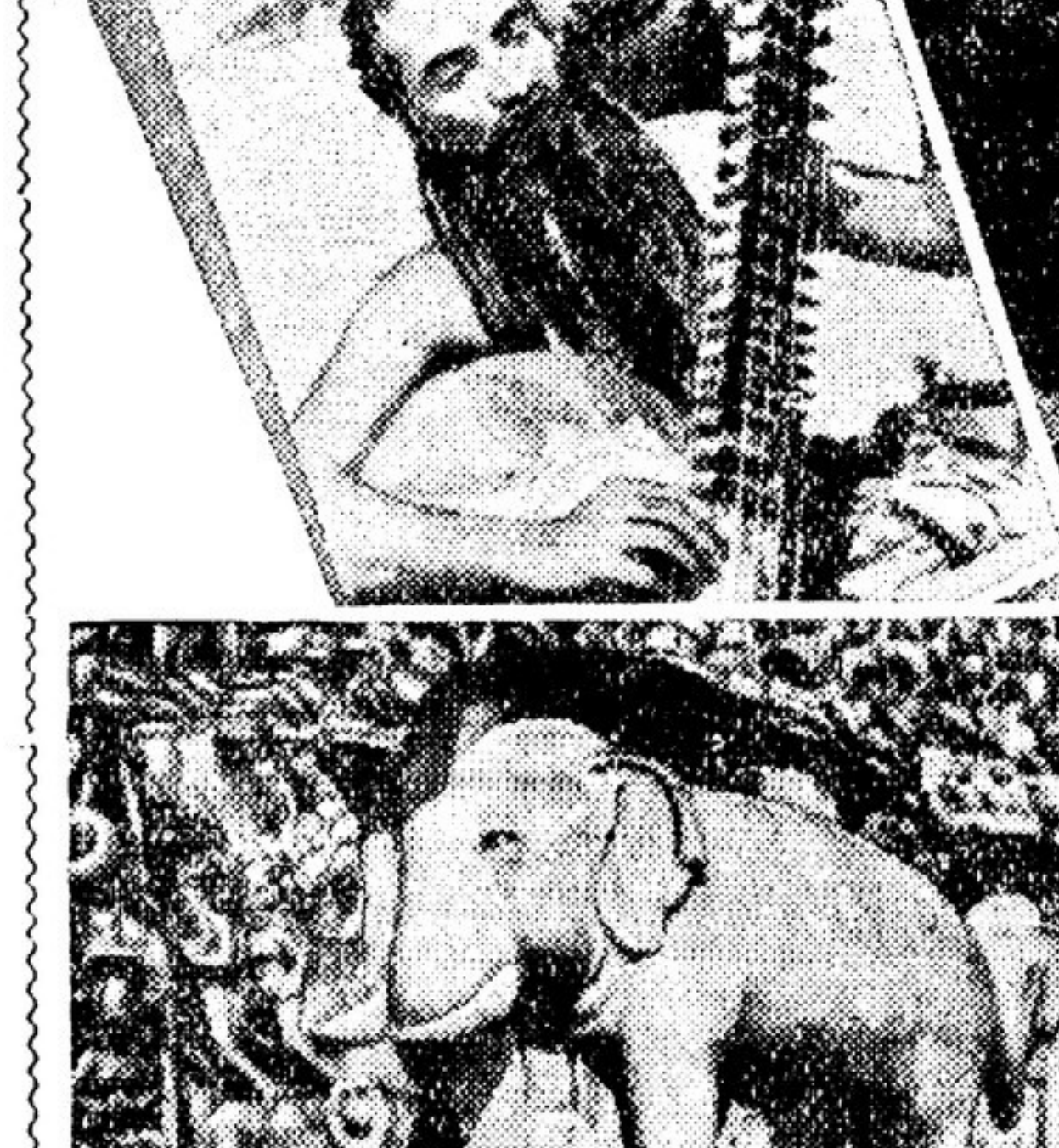
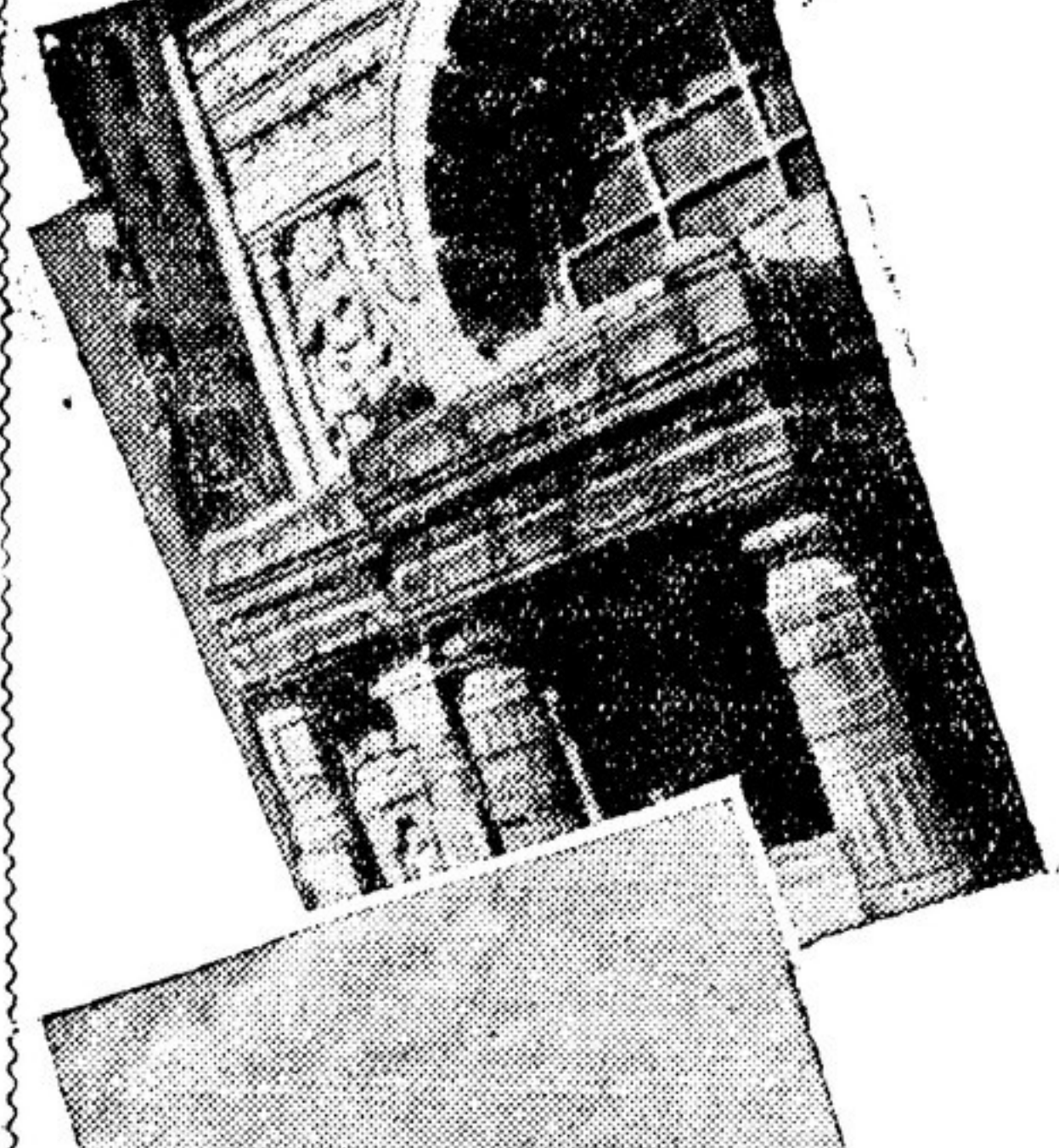
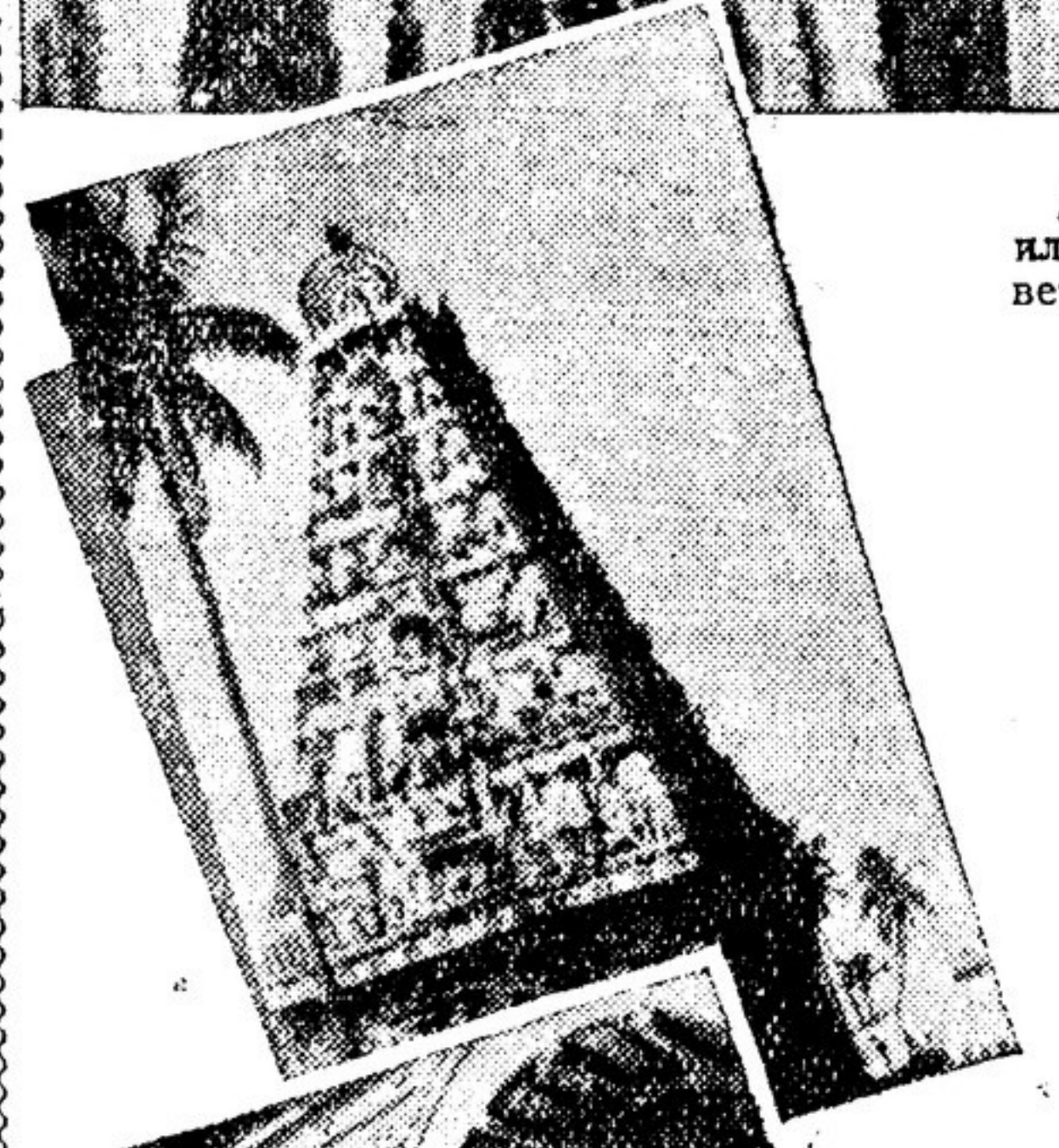
Исходя из примата содержания, русские писатели-классики никогда не увлекались излишней метафоричностью речи, цветистостью без нужды, образами без меры. Самыми метафорическими из них — Гоголь — прибегал к развернутым сравнениям, тропам, уподоблениям лишь изредка, лишь на высших точках эмоционального подъема своего повествования. Л. Леонов в «Русском лесу» идет иным путем. Слишком часто метафора заслоняет у него действительность.

«Русский лес» — книга большого писателя-классика, большого и человеческого духом, большого мастера. На как было, что Л. Леонов с его огромным талантом не всегда последовательно идет дорогой реализма, изменяет правде жизни во имя эстетических и нарративных побуждений искусственного языка.

И если автор захочет и сможет избавиться роман от этих недостатков, значение романа «Русский лес» еще возрастет!

Дворец магараджи в городе Майсоре, иллюминированный в честь делегации советских артистов.

Советские мастера искусств на одном из приемов в Майсоре. Слева: празднично разукрашены по случаю приезда гостей (первый снимок). На одной из железнодорожных станций между Хайдерабадом и Бангалором собралась местная жителя, чтобы встретить советских артистов. (снимок справа).

Выступления советских исполнителей пользовались огромным успехом. Вот толпа, собравшаяся на улице, слушает радиотрансляцию одного из концертов (первый снимок). Справа: художник Барода Укль, вице-председатель дельхийского отделения Индийско-советского общества культурных связей.

Этот снимок сделан в Нью-Дели. Благодарные зрители преподнесли участникам концерта гирлянды и букеты цветов.

Огромное впечатление произвела на гостей прекрасная танцовщица и киноактриса Ситара, исполнявшая изумительные по красоте и выразительности танцы (снимок справа).

Рашид БЕЙБУТОВ

Тво Шанджи

ФОТОЧЕРК

Полтора месяца провела в Индии делегация советских мастеров искусства. За это время участники делегации дали много концертов в Дели, Бомбее, Майсоре, Калькутте, Бангалоре и ряде других городов Индии. Сотни тысяч зрителей тепло приветствовали советских артистов, чье высокое мастерство было отмечено также индийской прессой.

Эта поездка, встречи и беседы членов делегации с многими представителями индийской общественности в значительной мере способствовали дальнейшему развитию и укреплению дружеских связей между народами Индии и Советского Союза.

Сегодня мы публикуем снимки, сделанные одним из участников делегации — народным артистом Азербайджанской ССР Рашидом Бейбутовым.

А. БЕЛЬСКАЯ УЛОВКИ ВРАГОВ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Известно, что советские предложения о создании действенной системы коллективной безопасности встречают все более широкий отклик в Англии. Миллионы простых людей справедливо видят в них надежную гарантию против возрождения германского милитаризма.

Это обстоятельство повергает в смутные размышления «европейской армии». Американские контрагенты в Англии хотели бы представить дело так, словно Европа вовсе не нуждается в договоре о коллективной безопасности. Аргументировать подобные утверждения можно только чудовищной ложью. Они так и делают, заявляя, будто никакого возрождения германского милитаризма нет и в помине.

Однако в этот стройный хор покровителей боннского реванизма недавно ворвалась диссонирующая нота. Мы имеем в виду корреспонденцию Сейтона Делмера в английской буржуазной газете «Дейли экспресс».

Реакция на появление этой корреспонденции была весьма бурной. Член английского парламента лорд Пакенхэм потребовал в палате лордов, чтобы Сейтон Делмер был отозван из Западной Германии, где он находится. По его словам, корреспонденция Сейтона Делмера «опасна» и «наивна».

Что же не понравилось лорду Пакенхэму? Обратимся к его высказываниям по этому поводу. «Ни один добросовестный человек», — сказал Пакенхэм, — который побывал недавно в Германии и имел возможность встретиться с различными людьми, не станет говорить, что генералы вернулись на прежние посты, а нацисты снова приходят к власти».

Но Сейтон Делмер иного мнения о том, что происходит в Западной Германии. И поэтому лорд Пакенхэм, один из сторонников создания «европейской армии», считает, что самое правильное — заставить его замолчать.

Сейтон Делмер — буржуазный журналист. Он провел несколько лет в Германии, приехав туда впервые в 1927 году — через девять лет после окончания первой мировой войны. Сейчас — через девять лет после разгрома гитлеровской Германии — редакция «Дейли экспресс» вновь послала его в эту страну. Делмер далек от прогрессивных взглядов. Он не прочь даже повторить некоторые измышления реакционной пропаганды по адресу Германской Демократической Республики. Однако судьбы Европы тревожат Делмера, здравый смысл говорит ему, что возрождение германского милитаризма угрожает миру и безопасности европейских стран.

«Да, я снова здесь, спустя всего лишь девять лет после самодушества Гитлера и катастрофического военного поражения милитаристской Германии», — пишет он. — И я обнаруживаю многие из тех же волнующих симптомов и признаков, о которых мне пришлось писать в конце двадцатых и начале тридцатых годов...»

Делмер рассказывает о жестокой чистке в боннском «рейхе». Из государственных учреждений, редакций газет и радио изгоняют всех, кто когда-либо имел отношение к антифашистскому движению. По словам Делмера, поспешная ремилитаризация «уже возвратила огромную тайную мощь той же клике милитаристов и промышленников, которая несет ответственность за опустошительные агрессивные войны Бисмарка, кайзера и Гитлера... Думая о прошлом, они не жалуют ни о чем, кроме своего поражения и ошибок в стратегии и руководстве, которые привели к этому поражению. Не может быть более яркого свидетельства силы поднимающегося милитаризма, нежели

демонстративное пренебрежение к Потсдамскому соглашению, выражающееся в открытом возрождении организаций бывших военнопленных в Западной Германии».

Военные и полуповоенные организации, созданные в гитлеровской Германии, по свидетельству Делмера, вновь вернулись к жизни.

Делмер с тревогой пишет о все усиливающемся потоке милитаристской литературы. Основной тезис милитаристской пропаганды — это утверждение, что Германия призвана руководить Европой и выводит эту миссию при помощи своих армий... Английский корреспондент разоблачает деятельность шпионской организации Гелена, приобретающей все большее и большее влияние в Западной Германии. Он напоминает о том, как во время одного процесса в Карлсруэ судья обнаружил материал, подтверждающий, что в Западной Германии фактически возрождается гестапо. Судья попросил в Бонн и запросил инструкции. Какой ответ дали боннские власти? Они указали судью, как неподходящего для разбора дела...

Делмер описывает свою встречу с Гансом Глобе — одним из главных общников Гелена. Глобе, в прошлом крупный чиновник гитлеровского министерства внутренних дел, связанный с гестапо, прямо заявил, что как только войдут в силу боннский и парижский военные договоры, организация Гелена перейдет под контроль боннского правительства. «А до тех пор», — цинично сказал Глобе Делмеру, — мы должны продолжать вынешний камуфляж»...

Делмер убедился в том, что видные посты в аденауэровском «правительстве» заняты крупными фашистами. Среди них — Теодор Оберлендер, который был начальником гитлеровских штурмовых отрядов в Восточной Пруссии; Вальдемар Крафт — бывший полковник войск «СС»; Виктор Пройскер — чинивший нацистской охранки, получивший от Гитлера похвальную грамоту. «И разумеется», — пишет Делмер, — эти крупные фашисты в аденауэровском кабинете записали свои министерства более мелкими нацистами».

Надо думать, лорду Пакенхэму — известному в Англии специалисту по германским делам — и другим сторонникам переворота в Западной Германии достаточно хорошо известны факты, приведенные Делмером. Однако в их планы, разумеется, не входит ознакомление с ними широких слоев общественности. Сторонники создания замкнутых военных группировок Англии видят сейчас реальную возможность поменять возрождению германского милитаризма путем создания действенной системы коллективной безопасности в Европе.

Сейчас, после опубликования советского проекта «Общеввропейского Договора о коллективной безопасности в Европе» и ноты Советского правительства от 31 марта, сторонники «европейской армии» оказались в особенно трудном положении.

Широкие народные массы требуют отказа от политики возрождения германского милитаризма, создания действенной системы коллективной безопасности, ослабления международной напряженности. И адвокаты «европейской армии» из кожи не лезут, чтобы обмануть английское общественное мнение, убедить англичан, что им ничего не грозит, а следовательно, коллективная безопасность не должна их интересовать.

Разоблачения Сейтона Делмера мешают этой нечистой игре. Вот почему лорд Пакенхэм так недоволен корреспондентом «Дейли экспресс»!

ПРОБАЛ ОДНОИ ПРОВОКАЦИОННОЙ ЗАТЕИ

Приближение Женевского совещания явно не дает спать Ли Сян Ману — американской марionетке в Сеуле. Его воинственный азарт, подогреваемый Вашингтонском, все возрастает. Южнокорейскому «президенту» мерещатся воды реки Ялудзиан, он не перестает твердить о «походе на Север». В последние дни воинственность Ли Сян Мана проявилась в его новой агрессивной «идее». Он обратился к своим высоким покровителям за океаном с просьбой поручить американскому генералу Ван Флиту, известному кровавыми действиями в Корее, возглавить некое объединение «всех антикоммунистических армий Азии».

В новых агрессивных замыслах Ли Сян Мана нетрудно усмотреть ту же политику, которую провалят накануне Женевского совещания определенные круги США. Разве лисьямановская «идея» антикоммунистического объединения армий под командованием Ван Флита не срочный известный планам Даллеса о так называемых «объединенных действиях» в Азии? На этот счет не может быть двух мнений.

Очередная провокационная возня, затеянная с таким шумом в Сеуле, едва ли принесет ее инспирираторам что-нибудь, кроме очередного провала. Один из таких провалов, как известно из сообщений печати, произошел уже на днях. Речь идет о запланированной госдепартаментом США антикоммунистической конференции стран Азии. Ее намеревались созвать в Южной Корее, и непременно к началу Женевского совещания.

Эта демонстрация явно замышлялась «в пику» Женеве. С ее помощью собирались привлечь к участию в «антикоммунистическом олоке» Таиланд, Бирму, Индонезию, марionеточные правительства Патет-Лао и Бхмера, Филиппины, Малайю и даже... Японию. Но весьма скоро американским режиссерам стало ясно, что задуманная постановка не вылетит. Члены южнокорейской «миссии», обещавшей страны Юго-Восточной Азии, чтобы завербовать участников конференции, вынуждены были отказаться от мысли посетить Японию из названных стран. Почему же? Они, как писал корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Джорден, имели указания на то, что правительства этих стран не интересуются их планом».

Дело в том, что реакция в странах Юго-Восточной Азии на новую попытку США сколотить тихоокеанский агрессивный союз была совершенно недвусмысленной. Президенты подавляющего большинства приглашенных государств твердо заявили об отказе участвовать в этом позорном и опасном предприятии.

Последний удар по американской затее нанесло, как известно, правительство Таиланда. Оно официально объявило, что не желает принимать участия в конференции. После этого в числе предполагаемых участников остались лишь клики Чан Кай-ши, Ли Сян Мана и Бао Лая. Если конференция и открылась бы, она стала бы не больше, чем сборище американских ижидивцев, не представляющих кого-либо в Азии, кроме самих себя. И как ни горек был этот финал для праящих кругов США, пришлось Ли Сян Ману объявить о том, что созыв антикоммунистической конференции переносится... на более позднее время.

Время покажет, удастся ли врагам азиатских народов вообще когда-либо осуществить эту провокационную затею. А пока что можно засвидетельствовать бесспорный факт — позорный провал американско-лисьямановской попытки воздвигнуть очередной барьер на пути к Женевскому совещанию.

Н. С.

КРИТИКИ В МУНДИРАХ КАПРАЛОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

С некоторых пор еженедельный листок гитлеровских недобитков «Дейче зольдатеинг» воспылал интересом к странствиям и художникам прошлого. На его страницах рядом со статьями об опыте применения фашистских танковых войск на полях Европы, рядом с панегириками в честь военных преступников, рядом с письмом, которое адресовал военному преступнику Кессельрингу боннский министр юстиции, рядом с инструктивной статьёй о порядке отбора бывших офицеров для службы в будущем вермахте, рядом с трактатом о маршале Фоше, как «провозвестнике плапа «Объединенной Европы»» появляются статьи то о Фридрихе Геббеле, то о Луке Кранахе, то о Готгольде Эфраиме Лессинге...

Идеологи германской агрессивной военной доктрины от Фридриха II до Гейтля никогда не относили общее образование к числу солдатских добродетелей. И, разумеется, не для того, чтобы освежить школьные познания своих постоянных читателей, обращается газета «Дейче зольдатеинг» к истории немецкой культуры. Она преследует при этом куда более практические цели.

Немецкий писатель XVIII века Якоб Михаэль Рейнгольд Лещ изобразил в своей сатирической комедии «Солдаты» бесчинства германских ландскнехтов во Франции. Когда один из театров Мюнхена показал эту комедию на своей сцене, «Дейче зольдатеинг» почувствовала себя кровно оскорбленной.

«Какую пользу можем мы извлечь из этого?.. Что может здесь вызвать страх или сострадание? Эпоха ландскнехтов давно прошла...» — негодовал рецензент, показывая своим возмущением, как метко попала в современные ландскнехтов и их вербовщиков сатира, написанная два века назад.

Великий немецкий художник эпохи Возрождения Лука Кранах на страницах «Дейче зольдатеинг» изображается поборником «европейской идеи» в том смысле, какой вкладывают в это понятие идеологи агрессивной «европейской армии».

Статья о Фридрихе Геббеле — талантливом драматурге прошлого века — ставит повод для реакционной проповеди. Из воспитательного арсенала иезуитов фашизм принял на вооружение принцип слепой покорности — «нокорности труна». В статье о Геббеле, в содержащейся в ней восторгом по поводу «принесения в жертву самых человеческих и самых естественных побуждений...» проповедь этого принципа лишь

слегка терминологически замаскирована. Повторяются в ней и утверждения о нисходящем движении человечества и его культуры, о пагубности прогресса, которые были позаимствованы фашистскими идеологами у столбов реакционной западноевропейской философии. Ни один из современников Геббеля, — пишет «Дейче зольдатеинг», — не ощущал так, как Геббель, конвульсивную разорванность эпохи, которая, корчась в тяжелых внутренних кризисах, двигалась из состояния спокойствия и свободной уверенности к прогрессу и материализму».

Тирада и по стилю и по сути вполне во вкусе Шпенглера, автора «Заката Европы», или немилосердно списывавшего у него гитлеровского лейб-«теоретика» Альфреда Розенберга!

Самые кровавые преступления фашистские агрессоры всегда сопровождали проклятиями по адресу прогресса и материализма. Но «литературовед» из газеты боннских реванистов не ограничивается простым повторением. Отлично зная, какими именно средствами устанавливали германские фашистские войска то «спокойствие», которое является антитезой прогресса, он заканчивает эссе о Геббеле косвенным оправданием военных преступников. Вот что говорится в его статье об одном из произведений Геббеля: «...трилогия «Нибелунги» стала последним выражением его воли и его судьбы: каждый, кто действует и умирает в этой могучей драме всемирных перемен, — невинен, несмотря на всю свою тяжелую вину, и прав в своей неправоте».

Основная мысль этого рассуждения — убийцы невинны и правы.

Разумеется, при всей противоречивости, порою и реакционности его взглядов, Фридрих Геббель нельзя считать ответственным за такое использование его творчества. Ведь это он более ста лет назад бросил обвинение современному ему обществу:

Убийце убивать бывает мерзко, Злой подержив совети укорам, Но ты живишь, разбой узаконяя...

«Дейче зольдатеинг» ведет себя в немецкой литературе, как мародер на полях: пользуется беззастенчиво мертвых

которые не могут оградить себя от их посягательства.

Если в статье о Геббеле звучат откровенно фашистские призывы, то статья о Лессинге, которая написана в тоне легкой салонной болтовни, неосужданном на страницах, заполненных фельдешельмским жаргонном и терминологией геббельсовских «пропагандистских ртов», построена похитрее.

Лессинг, даже мертвый, страшен боннской воениции. Ведь он был неумолимым и мужественным критиком милитаристских порядков военно-полицейской монархии Фридриха II. Его комедия «Минна фон Бархельм» — страстный призыв к миру, гневное обвинение прусского милитаризма, утверждение средствами искусства мысли о единстве немецкого народа. Все творчество Лессинга звучит в наши дни более чем современно. И немецкий народ не забыл его антиимпериалистической направленности. Именно поэтому «Дейче зольдатеинг» старается изобразить великого писателя всего лишь чудаконатым остроумцем, неудачливым полемистом и мимолетом объявить забытыми его произведения.

...Западгерманские реванисты распределели обязанности: одни набирают ландскнехтов, другие готовят для них снаряжение и вооружение, третьи пытаются приспособить классиков, чтобы осветить их именами своею черное дело. В литературоведческих швальных Бонна кипит работа. Здесь срочно шьют военные мундиры, чтобы надеть их на великих писателей прошлого. Лиги несутся вокруг великанов. А те презрительно отвечают им словами, которыми Лессинг заклеймил представителей современной ему прусской воениции, назвав их «подручными мясника».

Сергей ЛЬВОВ

Рис. В. Фомичева